МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ

ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

Книга первая

ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ

КРИПТОИСТОРИЯ

ЭКСМО

Андрей Валентинов

Волонтеры Челкеля

Серия «Око силы»

Серия «Око Силы. Первая трилогия. 1920–1921 годы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433622

Аннотация

Тайный приказ адмирала Колчака и не менее секретное распоряжение большевистского руководства, связанные с самой большой тайной бывшей Российской Империи, невероятным образом переплели судьбы главных героев романа – белогвардейского офицера Ростислава Арцеулова и красного командира Степана Косухина. Трудный путь из морозной Сибири в далекий Китай. Сопротивление врагов – людей и нелюдей. Помощь друзей – живых и мертвых. И неожиданный финал, оборачивающийся началом нового витка фантастической истории.

Содержание

Глава 1. Нижнеудинск 8
Глава 2. Посланец Сиббюро 45
Глава 3. Полковник Лебедев 76
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Андрей Валентинов
Волонтеры Челкеля

Око Силы. Первая трилогия

1920–1921 годы

Книга первая

– Прежде чем мы начнем говорить о делах, не могу не выразить восхищения вашей настойчивостью. Добираться в этакую даль! Что значит старая дружба!

– Ваше чувство юмора, Агасфер, всегда было весьма… своеобразным. Менее всего мне хотелось лично общаться с вами. Я ехал через Сибирь, сейчас там ад. Вы сидите тут, экспериментируете…

– Спокойнее, мой друг, спокойнее! Вы, я вижу слишком вжились в роль ходока.

– В чью роль?

– Это неологизм. Так называют аборигенов, которые совершают длительные путешествия, надеясь найти истину.

Приходится порой их принимать. Они очень забавны… Я хорошо знаю, что происходит сейчас в Сибири. Кстати, через несколько часов у меня как раз заседание по этому поводу.

– Заседание? Вашего синедриона?

– Как? Ах да, у вас, помнится, тоже есть чувство юмора. Ну, пусть будет синедрион, хотя вам неплохо бы выучить здешние названия.

– Не надо, Агасфер. Я прекрасно знаю, чем Совет Народных Комиссаров отличается от синедриона. Поверьте, мы знаем не только это.

– Прикажете понимать, как намек на возможное разоблачение?

– А вы не боитесь?

– Помилуйте! Да меня здесь уже не первый год именуют куда похлеще. Я и немецкий шпион, и агент мирового еврейства, и масон. Один мой коллега всерьез считает меня марсианином. Ваша версия будет выглядеть весьма бледно… Но к делу. Можете не затруднять себя уговорами. Вы, вероятно, уже догадались о моем ответе?

– Это нетрудно. Вы скажете, что мы – болтливые трусы, а вы пытаетесь делать реальное дело, что сейчас появился уникальный шанс ускорить и исправить человеческую историю, и ради этого можно пойти на определенные жертвы… Определенные кем? Вами?

– Именно так. Люди оказались в тупике, в страшном тупике. Вы знаете, сколько погибло в последней войне? А циф-

рами детской смертности интересовались? А что касаемо определенных мною жертв… Увы, операции без крови не бывает.

– Тогда почему под вашими знаменами воюют силы враждебные не только цивилизации, но и всему нашему миру? Почему среди ваших врагов – все, что осталось в этой стране здорового?

– Интересно, кого вы имеете в виду?

– Хотя бы представителей науки и деятелей здешней церкви.

– Вы имеет в виду христианство? Это, как вы наверняка знаете, еще очень молодая церковь, ее позиции весьма слабы. Ну, а ваши представители науки страдают близорукостью. К тому же мои противники действуют весьма недружно.

– А если они все-таки объединятся? Не боитесь?

– Представьте себе, нет. Не боюсь даже фанатиков, их легко натравить на таких же фанатиков, но с противоположным знаком. Я боюсь других… отрешившихся.

– Простите?

– Попытаюсь объяснить… Вы никогда не бывали в цирке? Там показывают фокусы. Помните факиров в Индии?

– Факиры в Индии не показывают фокусов. Они…

– Здесь это называется фокусами. Так вот, большая часть зрителей никогда не разгадает фокус, потому что смотрят на факира. В этом весь трюк. Но тот, кто почему-то отрешился, отвел глаза от приманки, может уви-

деть главное. Вот таких, отрешившихся, я побаиваюсь.

– Я вас понял. И поэтому вы раздуваете войну, чтобы все смотрели на факира?

– Зачем же так категорично! Я, как и мы все, против всякой войны. И очень жаль, что эти самые ваши представители науки до сих держат против меня камень за пазухой. Впрочем, это уже относится к повестке дня завтрашнего… точнее, уже сегодняшнего синедриона, перед которым мне хотелось бы немного отдохнуть. Все-таки я не марсианин!

– Я ухожу, Агасфер… Кстати, почему вы выбрали такое нелепое прозвище? Или вы считаетесь с традициями?

– В некотором роде так оно и есть. Здешние традиции, как и люди, весьма забавны.

– Вы уже второй раз повторяете это слово. Неужели вам ничуть не жаль этих людей?

– Жаль?! Знаете, мой друг, мое чувство юмора поистине ничто в сравнении с вашим!

Глава 1. Нижнеудинск

– Огни, ваше благородие!

– Что? – не понял Арцеулов, на всякий случай покосившись в ночную тьму, куда указывал незнакомый ему унтер-офицер – напарник по караулу.

– Огни, господин капитан, – повторил унтер, вновь тыча куда-то вдаль. В голосе его чувствовался плохо скрытый страх. – Повстанцы, ваше благородие! Сторожат!

Арцеулов пожал плечами и всмотрелся. Сквозь темень, опустившуюся на Нижнеудинск и затопившую станцию, он разглядел множество огоньков, охватывавших город неровным полукольцом.

– Прекратите панику, унтер! – наконец буркнул он, морщась от налетевшего ледяного ветра. – Вечно вам повстанцы мерещатся!.. Лучше пройдемся, а то заледенеем.

Капитан одернул свой черный полушубок и решительно зашагал вдоль эшелона. Но унтер не унимался – заспешил следом, стараясь не отстать.

– Так костры же! – выкрикнул он. – По всем сопкам костры!

– Там легионеры, – не особо уверенно возразил Арцеулов, вновь кривясь от холода. В полночь, когда они заступили на пост, было минус двадцать девять…

– Никак нет! – возразил унтер. – Чехи – они у самой стан-

ции костры жгут. Дальше – боятся. Дальше – эти…

– Ну и черт с ними! – вконец разозлился капитан. – Бежать вздумал, сволочь? Своих увидел?

– Бежать, – недобро пробурчал напарник. – Как же, убежишь! Я ведь, как и вы – черный гусар!..

Арцеулов повернулся к унтеру спиной и зашагал дальше. Эшелон был огромен, чтобы обойти его, требовалось больше получаса. Впрочем, они были здесь не одни – еще двое шли навстречу, еле заметные в тусклом свете станционных огней. Несмотря на лютый холод и панику, караульная служба неслась исправно – начальник штаба Верховного, генерал Зенкевич, приказал ставить в караулы лишь офицеров и особо надежных унтеров. Многие ворчали, Арцеулов же отнесся к приказу спокойно – здесь, в ночной тьме, окруженной мигающими огоньками повстанческих костров, исчезало томящее чувство западни, не покидающее его за бронированными стенами поезда Верховного Правителя адмирала Колчака.

В поезд Верховного Ростислав Арцеулов попал три месяца назад, сразу после госпиталя. Точнее, адмирал приказал зачислить капитана в свой конвой еще в апреле прошлого, 19-го года, когда Арцеулов – тогда еще поручик, – вместе с полковником Гришиным-Алмазовым прорвался через красный фронт у Царицына, доставляя секретную депешу от Главкома Вооруженных Сил Юга России. Наверное, Верхов-

ный решил украсить свой конвой ветераном Ледяного похода и Анненским кавалером, но Арцеулов попросил недельный отпуск, чтобы разыскать в Омске жену, а затем уехал на фронт. Он был зачислен в корпус Каппеля в самый разгар боев на Каме, воевал всего неделю, после чего потянулись месяцы госпиталей. В сентябре капитан был все-таки зачислен в конвой и с тех пор, несмотря на несколько рапортов и личную беседу с адмиралом, служил в охране ставки. Впрочем, с начала декабря Арцеулов уже не просился на фронт – фронт сам нашел его, охватывая цепочкой ночных костров.

Капитан козырнул поравнявшемуся с ним патрулю и ускорил шаг – холод, несмотря на полушубок, становился почти невыносимым. Унтер вновь заспешил, притопывая на ходу, и капитан мельком подумал, что надо распорядиться выдавать караульным валенки. Внезапно где-то вдали, среди окружавших станцию сопок, резко ударила пулеметная очередь.

– Стреляют, вашбродь, – унтер уже был рядом, тыча рукой в толстой рукавице в ночную тьму.

– Не сунутся, – поморщился Арцеулов. – Не нас побоятся, так чехов.

– И не холодно им, – суеверным тоном заметил напарник. – Ровно медведи!

Арцеулов на секунду задумался. Повстанцы, равно как и другая красная сволочь, слабо ассоциировались у него с родом людским.

– Ну и пусть мерзнут, сволочи, – рассудил он.

– И волков не боятся! – тем же тоном продолжал унтер.

– Волков?

Как и всякий горожанин, Ростислав помнил волков лишь по детским сказкам и редким посещениям разъездного зверинца.

– Ерунда! – отмахнулся он. – На винтовку не полезут.

– Как же! Вот их высокоблагородие полковник Белоногов тоже так думали…

– Что? – дернулся Арцеулов. – Что ты сказал?

Ростислав неплохо знал Белоногова и немного ему завидовал. Тот был высок, красив, к тому же слыл прекрасным спортсменом. Полковника очень ценил Верховный и держал, как поговаривали, для самых опасных поручений.

– Так что случилось с Белоноговым? – вновь поинтересовался он, заметив, что унтер молчит.

– Нашли его сегодня, – нехотя проговорил тот. – Почти сразу за станцией. Только по полушубку и узнали. И следы вокруг – ни одного людского… Говорят, уйти ночью хотел…

– Бред какой-то! – капитан знал, что такое смерть на войне, но гибель от волчьих клыков показалась почему-то особенно жуткой. – Почему же он не стрелял?

– То-то и оно, что не стрелял, – буркнул унтер. – Волки… И хорошо, если просто волки!..

– Прекратите! – вконец озлился Арцеулов и молча зашагал дальше вдоль казавшегося бесконечным эшелона.

Сменившись, Ростислав долго грелся у гудящей печки, а затем направился к себе, решив поспать до рассвета. Но еще в коридоре заметил, что дверь купе отодвинута, изнутри стелется папиросный дым и слышатся чьи-то голоса. Стало ясно – поспать не придется.

Арцеулов не ошибся. В купе, кроме его соседа, подполковника Ревяко, сидели неизвестный ему капитан с Владимирским крестом на груди и заместитель коменданта эшелона полковник Любшин. Впрочем, капитан с Владимиром так и остался инкогнито – он мирно дремал, не выпуская из рук пустого стакана. Подполковник Ревяко тоже собирался последовать его примеру, но при виде Арцеулова встряхнулся и попытался привстать.

– А, Ростислав! Добрый вечер! Как там большевички?

– По-моему, уже почти что «доброе утро», – спокойно отреагировал капитан, присаживаясь и принимая от Любшина стопку шустовского коньяка.

Еще пара таких же бутылок, но уже пустых, сиротливо стояла в углу.

– Так все-таки, – не унимался Ревяко, – как там господа повстанцы? Говорят, уже видать?

– Говорят, – согласился Ростислав, которому почему-то совершенно не хотелось рассказывать о кострах, горевших на сопках. – По какому поводу пьем?

– Поминки, – вздохнул подполковник, и Арцеулов сразу

же вспомнил о полковнике Белоногове.

Он допил коньяк и вопросительно посмотрел на Любшина.

– Повод есть, – кивнул тот. – Только что сообщили – пал Иркутск…

– Так точно, – поддержал Ревяко. – Помянем нас, рабов Божьих. Любшин, плесните еще!

Остатки коньяка были честно разлиты по трем стопкам. Мирно спящий капитан с орденом Св. Владимира остался таким образом без своей законной доли.

– Что же теперь? – осторожно поинтересовался Арцеулов, присаживаясь рядом с Любшиным. – Ведь вчера сообщали, что в Иркутск вошли войска Семенова.

– Чехи, – полковник махнул рукой и залпом допил коньяк. – Их Национальный Совет потребовал вывода всех забайкальских частей. Теперь там какой-то Политцентр. Эсеришки!

– В Красноярске уже краснопузые, – добавил Ревяко. – А мы тут ждем, покуда господа чехословаки чохом отдадут нас Совдепам. Сволочи! Всех бы их, союзничков!..

Никто не возразил – союзников здесь ненавидели почти так же, как и красных.

– Нижние чины дезертируют, – тихо проговорил Любшин. – Сегодня ушло два десятка. Если будут бои – сдадутся все.

Ростислав кивнул, вспомнив унтер-офицера, с которым

стоял в карауле.

– А Верховный?

– По-моему, он занят тем же, что и мы, – пожал плечами полковник. – По виду не скажешь, но если судить по господину Трубчанинову…

Ростислав усмехнулся. Лейтенанта Трубчанинова – личного адъютанта Верховного – офицеры недолюбливали.

– Говорят, надо прорываться в Монголию, – подал голос Ревяко. – Как, Ростислав, дойдем? Водки там нет, зато кумысу полно.

– Дойдем, – коротко ответил Арцеулов. – Лучше замерзнуть, чем…

Он не договорил, но собеседники поняли.

– Чуток бы теплее, – заметил полковник. – Назавтра обещали похолодание, этак и до минус сорока доползет.

– Все равно, – мотнул головою Ростислав. – Не в плен же сдаваться этим… рачьим и собачьим.

– Зачем в плен? – отозвался Ревяко. – Двадцать червонцев чехам в зубы – и довезут до Читы. А то и попросту – погоны долой, армяк на плечи и ходу… Как полковник Белоногов.

– Господа, что случилось с Белоноговым? – встрепенулся Арцеулов. – Я слышал какую-то чушь, будто бы волки…

– Это не чушь, Ростислав Александрович, – покачал головой Любшин. – Вчера Белоногов переоделся в штатское и попытался уйти на лыжах. Нашли его утром – все, что осталось. Беднягу велено считать дезертиром, да мне что-то не

верится.

– Мне тоже, – согласился Ростислав.

Внезапно уснувший капитан, о котором все успели позабыть, качнулся и мягко повалился на пол. Пришлось водружать павшего кавалера Св. Владимира на место.

– Вот-с, – констатировал Ревяко. – Молодежь пошла… Вы, Ростислав, лишились редкого удовольствия. Наш гость весь вечер тешил нас, так сказать, прибаутками. И знаете, о чем? Об упырях. Точнее, краснопузых упырях.

– Бред, – равнодушно отреагировал Арцеулов.

– Но излагал знатно, – вступился за капитана Любшин. – Вы ведь на Каме были, Ростислав Александрович?

Арцеулов кивнул. Страшные бои на Каме он забыть не мог.

– Он служил, как и вы, у Каппеля, – продолжал полковник. – Ну и оказался на реке Белой, там, где ударил Фрунзе. Так вот, он утверждает, что прорыв осуществлял полк вампиров, именуемый полком Бессмертных Красных Героев. Пули их, естественно, не берут…

– А пленных они пожирают на месте, – добавил Ревяко. – Жаль, Каппель не догадался вооружить вас осиновыми колами!

– Что за ерунда! – не принял шутки Арцеулов. – Такой полк у краснопузых действительно есть. Но причем тут упыри?

– А упыри при том, что драпанули господа служивые, как

зайцы, а после придумали сказочку, чтобы оправдаться, – предположил Ревяко. – Пойди проверь! Морды у краснопузых багровые – от спирта, взгляд, само собой, мутный…

– Я слыхал про этот полк, – заговорил Любшин. – Туда, как говорят, направляют лучших красноармейцев из всех частей, а потом посылают в самые опасные места.

– Я тоже слыхал, – вспомнил Ростислав. – И впрямь тогда, на Белой, болтали, будто красных пули не берут, но мало ли чего болтают!..

– Пули-то их берут, – согласился полковник. – Но вот что любопытно, Ростислав Александрович… Вы не задумывались, каким образом красные умудряются побеждать? Я не про общую политику и стратегию. Тут и они, и мы наделали глупостей приблизительно одинаково. Я про их умение побеждать в нужный момент в нужном месте, выигрывать, так сказать, ключевые операции. Обратили внимание? Как раз к решающему бою у них и войска дисциплинированные, и население поддерживает, а наши чудо-богатыри, как на грех, в зайцев превращаются.

– А это все упыри, – вставил Ревяко. – Своих вдохновляют, а на наших ужас наводят.

– Может быть, – спокойно отреагировал полковник. – А может, все проще. И одновременно – сложнее. Один мой хороший приятель предположил, что у красных есть нечто вроде психического оружия.

– Лучи Смерти, – с пафосом заметил Ревяко. – Пещера

Лейхтвейса и человек-невидимка!

– Принцип Оккама, – пожал плечами Любшин. – Самое простое объяснение может оказаться самым верным. Технически это, конечно, сложно… Хотя, господа, кто знает?

– Не думаю, господин полковник, – недоверчиво заметил Арцеулов. – Вся беда в нашей мобилизованной сволочи – разбегается при первой же опасности. Поставить по пулемету позади каждой роты – и красным никакие упыри не помогут!

С этим не спорили.

Наутро поезд было не узнать. Известие о падении Иркутска враз разрушило подобие дисциплины, которое еще сохранялось в последние дни. На поверке недосчитались больше половины нижних чинов; многие из офицеров тоже сгинули, даже не попрощавшись. Остальные тревожно перешептывались, а ближе к полудню стали говорить в полный голос. Положение и в самом деле становилось безнадежным: с запада наступала Пятая армия красных, окрестные сопки оседлали повстанцы, а путь в спасительное Забайкалье был отныне намертво перекрыт иркутской пробкой. Вдобавок ненавидимые всеми чехи усилили охрану станции, выведя прямо к семафору свой бронепоезд. Поговаривали, что легионеры получили строгий приказ своего Национального Совета не брать в поезда офицеров, отчего цены на такие поездки сразу стали поистине астрономическими.

То и дело в разговорах мелькало слово «Монголия», но почти все считали эту мысль безнадежной. Наибольшие оптимисты уповали на войска Владимира Оскаровича Каппеля, прорывавшиеся, по слухам, через тайгу, но в такой ситуации не верилось даже в непобедимых каппелевцев.

Ростислав Арцеулов не принимал участия в этих разговорах. Болтать и сплетничать не хотелось. Он лишь мельком взглянул на карту и тут же понял, – войска Каппеля едва ли успеют на помощь. В Монголию тоже не уйти – мешал не только мороз, но и вездесущие повстанцы красного генерала Зверева. Из наличности у Арцеулова имелось два империала и пачка никому уже не нужных бумажек, выпущенных Сибирским правительством. Уходить было некуда и незачем. Ростислав боялся он лишь одного – что у адмирала не выдержат нервы, и он прикажет сложить оружие. Если же этого не случится, то Нижнеудинск в качестве места последнего – личного – боя Арцеулова вполне устраивал.

…Ростислав вполне мог погибнуть еще осенью 17-го, когда взбесившаяся солдатня рвала на части офицеров его полка. Мог быть убит несколькими месяцами позже, в Ледяном походе. Смерть ждала Арцеулова весь 18-й год, когда Добровольческая армия то уходила в кубанские степи, то вновь выныривала у очередной железнодорожной станции, чтобы отбить у краснопузых патроны и провиант. Но Ростиславу везло – он был лишь однажды ранен, и то легко. Он уцелел и

в марте 19-го, во время отчаянного перехода вместе с Гришиным-Алмазовым через волжские и уральские степи к адмиралу. Им посчастливилось, но с того самого момента Ростислава не оставляла мысль о том, что терпение Судьбы уже исчерпано.

Он не ошибся. Отказавшись служить в конвое Верховного, Арцеулов подал рапорт с просьбой направить его в корпус Каппеля. Вместе с ним на фронт ехала Ксения – его жена, которую он чудом нашел в переполненном беженцами Омске. Ксения была медсестрой, за летние бои 17-го имела солдатский Егорий и, несмотря на уговоры мужа и подруг, не желала отсиживаться в тылу.

…Он лежал за пулеметом у высокого берега Белой, когда снаряд разорвался где-то совсем рядом. Через месяц, в Екатеринбурге, Ростислав уже стал выздоравливать, но в госпитале началась эпидемия тифа. Его спасла Ксения, не отходившая от мужа все самые тяжелые дни. Она вытащила его из черного забытья, но однажды, когда кризис уже миновал, Ростислав увидел, что жены рядом нет. Три дня ему не говорили правды, а на четвертый все было кончено – Ксения Арцеулова сгорела от тифа и была похоронена в огромной братской могиле неподалеку от госпиталя.

После этого Арцеулову было уже почти все равно: жить или не жить. Почти – потому что Ростислав не считал возможным дешево отдавать свою жизнь, ценя ее в сотню, а то и в полторы сотни краснопузых. В бою вести подобный счет

было практически невозможно, но Арцеулов прикидывал, что не выбрал и половины.

А еще ему хотелось дожить до двадцати пяти. Ростислав родился в феврале и втайне надеялся как-то протянуть оставшиеся полтора месяца.

Итак, бежать было некуда и незачем. Арцеулов поудобнее устроился на полке и стал равнодушно глядеть в потолок, не без иронии прислушиваясь к доносившимся до него обрывкам панических разговоров, в которых поминались чехи, золотые империалы и Иркутский Политцентр. Сосед – подполковник Ревяко – исчез, и Ростислав вспомнил вчерашнюю фразу о двадцати червонцах и о поезде до Читы.

Ближе к полудню в купе заглянул полковник Любшин, сообщив, что, по слухам, адмирал передал всю власть в Сибири Семенову, а чехи – уже не по слухам, – собираются с завтрашнего дня поставить свою охрану к золотому эшелону. Разговор о Монголии действительно был, но большинство офицеров предпочло попросту скрыться на станции, надеясь то ли на милость союзников, то ли на удачу. Арцеулов лишь пожал плечами – судьба дезертиров его не волновала.

Делать было нечего, и Ростислав сам не заметил, как задремал. Перед глазами закружились какие-то странные тени, чей-то далекий голос позвал его, и вдруг он почувствовал, что не лежит, а стоит, купе залито ярким мигающим светом, а напротив – на пустой койке подполковника Ревяко – сидит молодая женщина в легком белом платье, таком нелепом

среди сибирской зимы.

– Ксения, – усмехнулся Арцеулов, тут же сообразив, что спит.

– Ксения… – тихо повторил он, жалея, что сон скоро кончится. Жена, казалось, услыхала его, улыбнулась, но глаза оставались печальными и полными болью – такими, какими он запомнил их за долгие недели своей болезни.

– Мы скоро увидимся, – добавил он, постаравшись тоже улыбнуться.

– Нет, Слава, – жена покачала головой. – Не скоро…

– Скоро, – даже во сне Арцеулов помнил о том, что творилось за железными стенами поезда. – Боюсь, не дотяну до юбилея. Ничего, раньше встретимся!

Ксения еще раз покачала головой – и улыбка исчезла.

– Ты будешь жить долго, Слава. Когда ты умирал, я отмолила тебя. Будет трудно, но тебе помогут… А сейчас мне пора.

– Кто поможет? – Арцеулов настолько удивился, что даже на мгновенье забыл, что видит сон.

– Тебе поможет тот, кто уже помог тебе, хоть и желал зла. Тебе поможет тот, кому помог ты, хоть и забыл об этом. И, наконец, тебе поможет старый друг, с которым ты не надеешься увидеться…

– Ты о ком говоришь? – Ростислав окончательно растерялся, но молодая женщина грустно улыбнулась и медленно встала.

– Мне пора, Слава. Прощай… И обязательно надень мой перстень. Тот самый, помнишь?

– Но…

Ростислав хорошо помнил старинный перстень – большой, серебряный, с чернью, доставшийся жене от каких-то давних предков. Перстень был мужской, Ксения никогда не надевала его на руку, но всегда носила с собой. Арцеулов, не веривший ни в чох, ни в вороний грай, изрядно подшучивал над этой привычкой, считая ее чем-то вроде шаманства. Да, перстень он помнил очень хорошо, но надеть его никак не мог – серебряная безделушка, которой так дорожила Ксения, была похоронена вместе с ней в братской могиле неподалеку от екатеринбургского госпиталя. Он узнал это от врача, который передал ему то немногое, что осталось от вещей покойной.

Странный мигающий свет в купе вдруг стал невыносимо ярким, Ростислав прикрыл глаза ладонями и тут же почувствовал легкий толчок в плечо. Он открыл глаза и увидел все то же купе; в окошко, сквозь заиндевевшее стекло, светило совершенно обычное зимнее солнце, а перед Ростиславом, чуть наклонившись, стоял вестовой в форме черного гусара.

– А! – встрепенулся Арцеулов, с облегчением убеждаясь, что это был действительно сон.

– Извините, ваше благородие, – вестовой стал по стойке «смирно». – Стучал к вам, да вы не отвечали. Сморило, видать!..

– Да-да, – капитан вскочил, соображая, что спать средь бела дня на службе, в общем-то, не полагается. – Слушаю!

– Вас к Верховному, господин капитан.

Арцеулов вздрогнул. То, что он мог понадобиться адмиралу в такой момент, показалось какой-то дичью. Ростислав хотел было переспросить, но так и не решился.

Наскоро приведя себя в порядок, Арцеулов поспешил вслед за вестовым, мельком посматривая по сторонам. Эшелон обезлюдел больше чем наполовину, часовые исчезли, а встречавшиеся по пути офицеры то и дело забывали козырять в ответ на приветствие. Капитан почувствовал подзабытый холодок в спине – похоже, это был действительно конец. Далекие костры на сопках, виденные ночью, внезапно перестали казаться чем-то абстрактным. Наверное, если бы не чехи, повстанцы уже давно были бы здесь.

В приемной Верховного все, впрочем, оставалось по-прежнему. У дверей стоял офицерский караул, а в кресле адъютанта все так же восседал лейтенант Трубчанинов. Услыхав шаги, он поднял глаза, и Ростислав заметил, что молодой офицер смертельно бледен. Трубчанинов – и это знали все – пил крепко, но теперь он был трезв, и эта странная, неживая бледность на всегда румяном и самодовольном лице адъютанта не понравилось Арцеулову даже больше, чем все, происходящее вокруг.

Трубчанинов тихим, невыразительным голосом попросил минуту обождать, скрылся в кабинете, но почти сразу же

вернулся и попросил зайти.

Арцеулов хорошо помнил кабинет Верховного, украшенный огромным Андреевским флагом, с гигантским столом из мореного дуба и раскладной английской койкой у окна. Внешне здесь тоже ничего не изменилось, да и Верховный, насколько успел заметить Арцеулов, выглядел как обычно. Гладкое лицо тщательно выбрито, волосы аккуратно разделены «вечным» офицерским пробором, разве что яркие прежде губы стали какими-то серыми, а под глазами легли темные круги.

Услыхав рапорт, Верховный лишь кивнул, не поднимая головы. Он сидел за столом, глядя куда-то перед собой. Прошла минута, другая, Арцеулов уже хотел напомнить о себе, но адмирал внезапно поднял голову, пружинисто встал и вышел из-за стола.

– Какое сегодня число, капитан?

Вопрос был настолько неожиданным, что на мгновенье Арцеулов лишился дара речи. Казалось невероятным, что Верховный потерял счет времени. Впрочем, Ростислав быстро пришел в себя.

– Четвертое января, ваше высокопревосходительство! Если по большевистскому календарю.

– Ладно, – лицо адмирала дернулось, словно он попытался усмехнуться. – Сойдет и большевистский… У вас три дня, капитан. К седьмому числу вы должны быть в Иркутске…

Ростислав отчеканил: «Так точно», мельком соображая, как можно попасть в Иркутск из нижнеудинской западни.

– В Иркутске вы найдете генерала Ирмана. Он начальник научного отдела военного министерства…

Арцеулов вспомнил рассказ Любшина. Со вчерашнего дня в Иркутске не было никакого военного министерства, там заправлял эсеровский Политцентр, который едва ли окажет ему помощь в розысках. Похоже, адмирал подумал о том же.

– Все знаю, капитан. Но вы должны найти генерала Ирмана в любом случае. Найти и передать ему письмо. Вы меня поняли?

– Так точно, – повторил Арцеулов.

– В письме будет только условный знак. На словах предадите следующее: «Приказываю завершить проект „Владимир Мономах“. Руководитель проекта прибудет к двадцатому января. В случае неудачи все должно быть уничтожено». Повторите!

Арцеулов слово в слово повторил послание. Адмирал несколько секунд стоял неподвижно, а затем поднял глаза на Ростислава. В адмиральском взгляде сквозило нечто, похожее на удивление.

– Вам что-нибудь неясно?

– Извините, ваше превосходительство, – заспешил Арцеулов, которому было неясно не «что-нибудь», а абсолютно все. – Я найду генерала Ирмана…

– Совершенно верно, – резко перебил Верховный. – Вы должны найти его живым или мертвым!..

– Если он будет мертвый, – невольно усмехнулся Ростислав, – он едва ли сможет точно выполнить ваш приказ.

– Да, конечно, – адмирал тоже улыбнулся, и лицо его на миг потеряло обычную суровость. – Извините, капитан, зарапортовался. Если Ирмана не будет в живых – слышите, только в этом случае! – найдите полковника Лебедева. Он служит в том же управлении министерства. Больше о приказе никто не должен знать. Еще вопросы?

– В послании сказано «в случае неудачи». Как это понимать?

– А вам и незачем это понимать, – лицо адмирала вновь застыло, маленькие серые глаза впились в Ростислава. – Ваше дело, капитан, точно передать все Ирману. Впрочем, если он будет столь же непонятлив… Под неудачей я имею в виду прежде всего неудачу самого проекта, а также если его руководитель не прибудет к двадцатому января и возникнет опасность захвата объекта. До двадцатого января уничтожать проект запрещаю! Запомнили?

– Так точно, – в третий раз отчеканил Арцеулов.

– Хорошо, – сухо произнес адмирал, отворачиваясь и глядя куда-то в сторону. – Имейте в виду, я уже посылал полковника Белоногова. Похоже, красные что-то знают об этой операции. Желаю вам быть более осторожным… Возьмите письмо.

Послание оказалось небольшим, в половину обычного, без конверта, без какой-либо надписи на обратной стороне. Арцеулов успел заметить, что в самом письме никак не больше трех строчек.

– Я не запечатал его, – продолжил Верховный. – Прочитаете и выучите наизусть. Но уничтожать только в самом крайнем случае. Без письма Ирман вам может не поверить.

Арцеулов кивнул и спрятал листок в нагрудный карман своего английского френча.

– Мы, наверно, больше не увидимся, – тихо проговорил адмирал. – Но, в любом случае, я рад, что эти месяцы рядом со мной был такой отважный и преданный офицер, как вы… Прощайте, господин капитан!

Арцеулов козырнул и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета. Он понял, что Верховный уже не верит в продолжение борьбы. Значит, никакой Монголии не будет. Что ж в этом случае приказ адмирала оставлял ему хоть какой-то смысл дальнейшего существования. По крайней мере до двадцатого января, когда должен быть завершен совершенно неведомый ему проект «Владимир Мономах».

Он шел по коридору, не обращая внимания на царящую вокруг суматоху и даже не откликаясь на вопросы – кое-кто из знакомых офицеров уже успел узнать об аудиенции и спешил поинтересоваться случившимся. Арцеулов качал головой – теперь, когда был дорог каждый час, он должен покинуть поезд немедленно. Не удержавшись, капитан выгля-

нул в окно и вздрогнул – прямо у эшелона, всего в нескольких шагах, стояла ровная, плотная цепь легионеров. Веселые парни в теплых полушубках довольно скалились, поглядывая на поезд Верховного. Стало ясно – они в западне.

Зайдя в купе, Арцеулов первым делом запер дверь и вытащил из нагрудного кармана письмо. Он не ошибся – в нем было всего три строки. Наверху стояло: «Генералу Ирману. Лично», внизу была хорошо известная ему подпись Верховного, а посреди…

Вначале Ростислав ничего не понял, затем вчитался, и, наконец, до него дошло. Единственная строка странного письма гласила: «Рцы мыслете покой». Для пароля адмирал отчего-то воспользовался названиями трех букв церковно-славянского алфавита. Оставалось надеяться, что загадочный генерал Ирман должен иметь обо всей этой тарабарщине куда более точное представление.

Следовало торопиться. Мелькнула мысль, что письмо неплохо бы зашить куда-нибудь в подкладку френча, но времени не было, и Ростислав вновь спрятал его в нагрудный карман. Собственно, брать из вещей было почти нечего. Арцеулов проверил оба свои револьвера: служебный «наган» и маленький бельгийский «бульдог» – подарок давнего приятеля и сослуживца по Марковскому полку Виктора Ухтомского. В полевую сумку были аккуратно уложены две гранаты – такому оригинальному использованию сумки его научил ротный, капитан Михаил Корф. Оружия хватало, куда

хуже было с деньгами, и Ростислав выругал себя за то, что не попросил у адмирала командировочных. Значит, железная дорога отпадала сразу, да и возможность как-то прокормиться в пути становилась проблематичной. Впрочем, сейчас было не до того. Арцеулов еще раз выглянул в окно. Ровный строй легионеров стоял и здесь – поезд был окружен со всех сторон.

Ростислав рассовал по карманам оставшийся нехитрый скарб и критически осмотрел полушубок. Тот был всем хорош, кроме одного – вся Сибирь знала форму черных гусар. По слухам, повстанцы вешали офицеров в таких полушубках с особым удовольствием. Арцеулов не числился в черных гусарах, но, когда ударили морозы, ему достался именно такой полушубок. Приходилось идти на явный риск – и немалый. Промелькнула мысль о погонах, но капитан тут же обозвал себя трусом – снимать их Ростислав не собирался.

Оставалось последнее – капитан достал из нехитрого тайника под койкой фляжку и прикрепил к поясу. В ней был шустовский коньяк, из самых лучших, но для Ростислава эта тяжелая металлическая фляга в удобном чехле, с выцарапанным возле горлышка вензелем «С.К.», имела особое значение. Фляга была с ним с конца мая, и все эти месяцы Арцеулов не расставался с ней ни на час…

…Это случилось на реке Белой, совсем близко от переправы, где его рота третий день отбивала атаки частей Фрун-

зе. Снаряд разорвался рядом, и когда Ростислав открыл глаза, все вокруг было затянуто синим туманом. Кровь заливала рот, а тело словно исчезло, перестав принадлежать ему. Пропали звуки, и эта внезапная тишина показалась Арцеулову еще более страшной, чем недавний грохот разрывов. Потом он увидел лицо жены – Ксения что-то говорила, похоже, пытаясь успокоить, но глаза были полны ужаса, и Ростислав понял, что досталось ему крепко. В руках Ксении появился бинт, она попыталась сдвинуть его голову, но тут все заволокло болью, и Арцеулов вновь потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал на голове свежую повязку. Страшно, нечеловечески захотелось пить. Ростислав беззвучно открыл рот. Жена догадалась, в ее руках появилась фляга, но покрытые засохшей кровью губы ощутили лишь каплю – воды не было. Ксения вскочила, надеясь позвать на помощь и вдруг замерла. Прошла секунда, другая, и Ростислав понял: случилось нечто более страшное, чем его ранение и то, что во фляге кончилась вода.

Кровавый туман перед глазами сгустился; страшные, непохожие на людей, чудовища плыли по воздуху – медленно, неотвратимо. Двигавшийся первым монстр подошел совсем близко, страшная, нечеловеческая рожа уставилась прямо в глаза Ростиславу. Ксения неслышно закричала, и тогда жуткий рот искривился в ухмылке, а огромная лапа неторопливо подняла револьвер. Вороненый ствол был совсем рядом, но Арцеулов почему-то совсем не боялся. Он

даже подумал, что сейчас все кончится, ему не будет больше хотеться пить, и даже пожелал, чтоб это случилось поскорее. Лапа с револьвером плыла то вверх, то вниз, Ксения кричала, а потом начала что-то быстро говорить, указывая на Ростислава. И тогда рожа вновь скривилась в чудовищной ухмылке, револьвер куда-то исчез, а огромная лапа потянулась к женщине. И тут Арцеулов впервые после того, как очнулся, захотел жить. Он попытался привстать, но тело куда-то исчезло, а рука монстра все тянулась к Ксении, и Арцеулов вдруг с ужасом сообразил, что на жене офицерская форма. Ксения получила звание прапорщика еще в семнадцатом и с тех пор всегда носила на фронте мундир – хотя и муж, и сослуживцы уговаривали ее надеть платье сестры милосердия. Таких красные обычно не трогали, но сейчас на жене были погоны и даже полученный ею тогда же, в семнадцатом, солдатский Георгий. Монстр возвышался, словно гора, и фигурка жены показалась Арцеулову совсем маленькой. Пальцы чудовища коснулись серебристого крестика, легко сорвав его, затем обе лапы легли на плечи женщины и рывком оторвали тонкие золотые погоны. Ростислав, захлебываясь кровью, сцепил зубы, но внезапно монстр повернулся к нему, и Арцеулов почувствовал, как сильные руки приподнимают его голову. И тут перед губами возникла фляга; холодная, непередаваемо вкусная вода буквально обожгла пересохшее горло. На мгновение кровавый туман рассеялся, и Ростислав понял, что никакого монстра рядом нет, а над ним склонил-

ся худощавый парень с красивым, чуть скуластым лицом. На парне была новенькая, – очевидно, трофейная – английская форма, лишь вместо погон на отворотах краснели петлицы, и на фуражке косо сидела звезда с плугом и молотом. Лицо было хмурым, но в глазах, как показалось Арцеулову, светилось нечто, похожее на сочувствие. Парень подождал, покуда Арцеулов напьется, затем взвесил флягу в руке – рука оказалась худой и даже тонкой, совсем непохожей на лапу, – покачал головой, подумал, закрыл флягу крышкой и положил рядом с головой офицера…

Уже в госпитале Ксения говорила Арцеулову, что тогда их спас талисман – старинный серебряный перстень. Тот, который теперь лежал вместе с нею в братской могиле, в далеком Екатеринбурге.

С тех пор Арцеулов не расставался с флягой. Сослуживцам он говорил, что это трофей, но в глубине души надеялся на чудо – что фронтовые дороги сведут его с парнем в краснозвездной фуражке. Ростислав был почему-то уверен, что сможет узнать его из тысячи. Да, они встретятся, и тогда он достанет наган, сунет ствол прямо в скуластое лицо и подождет, покуда красный гад почувствует все, что пришлось испытать капитану на берегу Белой – а затем отдаст флягу и отпустит на все четыре стороны. Возвращать флягу пустой не годилось, и поэтому Ростислав всегда носил в ней коньяк. Пусть красная сволочь не думает, что русский офицер не платит долги!

Все было готово. Арцеулов присел на дорогу, мысленно прощаясь со своим временным пристанищем, затем встал и по давней привычке окинул взглядом купе, проверяя, не оставил ли что-нибудь важное. Взгляд скользнул по койке скоропалительно исчезнувшего подполковника Ревяко – и вдруг на кожаной обшивке вагонной полки что-то тускло блеснуло. Ростислав, не глядя, взял странный предмет в руку и внезапно похолодел. Несколько секунд он стоял, боясь взглянуть на находку, но затем все же пересилил себя и осторожно раскрыл ладонь.

…Перстень – тот самый, тяжелый, серебряный, с изображением двух переплетенных змей с маленькими бирюзовыми глазами. Талисман Ксении.

Времени не было. Капитан сунул перстень в карман полушубка и вышел в коридор. Надо было спешить. Он выглянул в распахнутую дверь, дышавшую морозом, и легко соскочил вниз на платформу.

Тут было людно. В узком промежутке между вагонами и цепью чехословаков толпились десятка два офицеров, многие из которых уже успели снять погоны и даже переодеться в оказавшееся под рукой тулупы и полушубки, выглядевшие весьма живописно. Впрочем, этот маскарад мало кого мог обмануть – чехи стояли недвижно, а какой-то толстый мордатый майор проверял документы, тщательно сверяясь с каким-то списком. Некоторых желающих после тщательной

проверки все-таки пропускали, но большинство по-прежнему оставалось в ловушке.

Все это Ростислав фиксировал в сознании совершенно автоматически. Он понимал, что нельзя терять время, но мысль о перстне не давала сосредоточиться. В конце концов он не выдержал и, отойдя чуть в сторону, достал свою находку.

Да, похож: переплетенные змеи, странные, напоминающие руны, знаки, на внутренней поверхности – монограмма из незнакомых букв. Была ли она на том перстне?

Он еще раз припомнил то место, где лежала странная находка. Да, именно там – во сне – сидела Ксения. Совпадение? Точно такой перстень мог быть у Ревяко, и тот в спешке забыл его на койке? Но на койке подполковника утром ничего не лежало, перстень появился позже. Правда, когда Арцеулов был у адмирала, дверь в купе оставалась незапертой…

Ростислав решил отложить дедукцию на более удобное и безопасное время и решительно шагнул к проходу, в котором распоряжался мордатый чешский майор. Уже через несколько минут он понял, что список, с которым сверялся чех – это список личного конвоя Верховного. Офицеры обслуги, а также охрана других эшелонов майора не интересовали. Кажется, те, кто жег костры на сопках, сумели поладить с братьями-славянами. Поговаривали, что черемховские партизаны пригрозили взорвать кругобайкальские железнодорожные тоннели, если чехи не отдадут золотой эше-

лон и поезд Колчака. Очевидно, эти слухи были близки к истине.

Значит, не выпустят… Ростислав пристроился в долгую очередь к самодовольному чешскому майору, делая вид, что его интересует только одно – чтобы никто не прошел не в свой черед. Такие желающие встречались, но крепкие руки стоявших в очереди офицеров легко наводили порядок. Вокруг шумели, кто-то пытался хвататься за револьвер, а капитан тем временем раз за разом поглядывал по сторонам, освежая в памяти хорошо знакомые ему окрестности станции. Если его не пропустят, то придется, как это ни печально, дожидаться темноты. Тогда он почти наверняка сумеет уйти, но терять несколько часов светлого времени не хотелось, тем более с темнотой сюда могли прийти те, что жгли костры в сопках.

Очередь подошла неожиданно быстро. Он сунул майору офицерскую книжку и стал ждать. Чех, медленно шевеля толстыми губами, прочитал его фамилию и уставился в список. Капитан живо представил, как выхватывает удостоверение у этого борова, бьет ребром ладони по горлу, вырывает у ближайшего чеха винтовку… Все это было настолько просто и осуществимо, что Арцеулов закусил губу, чтобы не выдать себя. Он, конечно, прорвется и даже сумеет добежать до станции. У него будет как минимум пара минут, да и чехи – стрелки неважные. Но на станции его встретят другие легионеры…

Майор нашел его фамилию в списке, равнодушно помотал головой, что явно означало отказ, и небрежно вернул Ростиславу документ. И тут Арцеулов заметил, что рядом с майором появился еще один офицер – молодой подпоручик, с симпатичным курносым лицом, одетый почему-то не в полушубок, а в зеленую шинель, явно не по погоде. Подпоручик что-то шепнул майору, тот даже не повернул головы, но потом замер, недвижно постоял несколько секунд, и вдруг удивленно поглядел на Арцеулова, буркнув: «Проходите».

Капитан не заставил себя упрашивать, мгновенно проскочив за цепь легионеров. Отойдя метров на двадцать, Ростислав не удержался и оглянулся, но молодого подпоручика в зеленой шинели уже не было.

Станция встретила его шумом сотен голосов. Люди штурмовали чешские эшелоны, пытаясь договориться с легионерами о проезде через восставший Иркутск. И здесь чехи выставили шеренгу «вояков» с примкнутыми штыками. Переговоры вели несколько наглых, таких же мордатых, как и недавно виденный майор, офицеров. По обрывкам доносившихся до него разговоров Ростислав быстро понял, что сумма, названная подполковником Ревяко, давно уже перекрыта и растет дальше. По толпе то и дело ползли слухи о приближавшихся повстанческих отрядах, которые якобы должны занять Нижнеудинск к вечеру, о чем будто бы имеется договоренность между чешским Национальным Советом и

командующим партизанским фронтом Зверевым.

Потолкавшись с полчаса, Арцеулов понял, что на станции делать больше нечего. Он выбрался из гудящей толпы, свернув в глубину небольшого пристанционного поселка. Здесь было тихо. Редкие прохожие кидали равнодушные взоры на офицера в приметном черном полушубке. Впрочем, некоторые взгляды были не столь индифферентны, и Ростислав подумал, что из Нижнеудинска надо уходить, не дожидаясь темноты.

Оставалось одно – достать где-нибудь лыжи и попытаться повторить то, что не удалось полковнику Белоногову. Арцеулов вспомнил карту – неподалеку, в нескольких верстах, начинался Великий Сибирский тракт, по которому уходили к Байкалу отступавшие белые части. Спастись было еще можно, но в этом случае он не успеет в Иркутск к сроку, и приказ Верховного останется невыполненным.

Капитан медленно шел по пустой улочке, ведущей прямо в ближние сопки, прикидывая, что надежнее всего собрать на станции десятка два офицеров и попросту захватить один из чешских эшелонов. Братья-славяне за последние полгода отучились воевать и покрылись жирком. Но дорога находится под контролем союзников, значит, их остановят на ближайшем же перегоне…

Внезапно Арцеулов остановился, сообразив, что забрел слишком далеко. Станция оставалась позади, а за последними домиками начиналась огромная снежная равнина, круто

заворачивавшая вверх, к подножью ближайшей сопки. Ростислав повернулся, чтобы идти обратно, но тут же понял, что на пустынной улочке он не один. Совсем рядом топталась большая серая собака, вероятно, вынырнувшая из-за ближайшего забора.

Собак Арцеулов не боялся, но эта ему почему-то сразу не понравилась. Он хотел было отогнать серую тварь, однако сдержался и не спеша пошел обратно. Собака бежала следом – ровно, не отставая, но и не стараясь обогнать. Ростислав не выдержал и остановился. Собака тоже встала и посмотрела человеку прямо в глаза.

Ростиславу стало не по себе. Это было что угодно, но только не собачий взгляд. «Бред», – подумал он и хотел идти дальше, но заметил, что впереди, отрезая ему путь, сидят еще два точно таких же зверя. «Волки, – вспомнил капитан. – Вокруг полковника Белоногова были волчьи следы! Но ведь это же не волки, это собаки!»

Теперь серые твари – не волки, конечно, но такие же крупные и крепкие, – сдвинулись в одну линию, надежно закрывая обратный путь. И тут сзади послышался чей-то негромкий смешок.

Арцеулов резко повернулся, выхватывая револьвер. В нескольких шагах от него стоял высокий мужчина в теплой серой шинели, подпоясанной офицерским ремнем, но без погон. Лицо человека было необычным – тонкие, красивые черты портил красноватый цвет кожи. Это была непонятная

краснота – не морозный румянец и не летний загар. Как будто кто-то ввел под кожу неизвестному грязновато-бурую киноварь, отчего даже ярко-алые губы казались почти незаметными. Большие, какие-то блеклые глаза смотрели на Арцеулова презрительно, а рот кривился в недоброй усмешке.

Ростислав понял – его ждали. Незнакомец не вынул оружия, но проклятые собаки были уже рядом, совсем близко. Арцеулов застыл на месте, лихорадочно пытаясь найти выход. Теперь он понял, как погиб полковник Белоногов.

Человек в серой шинели вновь рассмеялся, а затем чуть махнул рукой. Собаки, повинуясь понятной им команде, подошли совсем близко.

– Советую быть благоразумным, господин Арцеулов, – голос неизвестного был резок и насмешлив. – Письмо при вас?

Ростислав молча кивнул. Выхода не было. Сейчас этот тип потребует послание… Нет, краснолицый явно не дурак, вначале он прикажет выбросить оружие, тогда Арцеулов кинет в снег револьвер, потом откроет сумку – скажет, что письмо там… Интересно, эти псы реагируют только на револьверы или на любой предмет в руке? Если нет, он успеет кинуть гранату…

Незнакомец не спешил. Похоже, ситуация доставляла ему своеобразное удовольствие.

– Бросьте сумку! – услыхал Арцеулов. – И не дурите, капитан, а то от вас не останется даже клочьев!

Ростислав понял, что вариант с гранатами не пройдет, и

послушно отбросил полевую сумку в сторону. Одна из собак тут же подбежала и легла рядом, словно занимая пост.

– Револьвер! – велел краснолицый.

«Все, – подумал Арцеулов. – Господи, как глупо!»

И тут – не к месту, не вовремя – вспомнилось слышанное во сне. Голос Ксении… «Обязательно надень…»

Это было нелепо, но левая рука уже оказалась в кармане полушубка, пальцы нащупали перстень, и тут Ростислав заметил, как одна из собак внезапно вскочила, испуганно дернулась…

Перстень! Ростислав выхватил кольцо и надел на средний палец левой руки. Почему он поступил именно так, капитан и сам не понимал, но думать было некогда. Он поднял руку с перстнем перед собой, яркое зимнее солнце блеснуло на темном серебре, и в ту же секунду собаки, как по команде, отпрыгнули в сторону.

– Вот вам!

Ростислав взмахнул рукой, и собака, стоявшая ближе прочих, упала на снег, жалобно взвизгнув.

– А ну пошли!

Собаки, оглядываясь, убегали в ближайший переулок. Арцеулов вскинул револьвер, но стрелять было незачем – улица опустела, и только собачьи следы свидетельствовали о том, что все случившееся ему не привиделось.

…Странное дело, следов неизвестного в серой шинели он почему-то не заметил.

Ростислав поднял сумку с гранатами, и, не торопясь, пошел обратно. Хотелось бежать, но капитан сдерживал себя. Случившееся казалось слишком диким и неправдоподобным, ясно одно: этот путь тоже закрыт. Собаки исчезли, но если краснолицый приведет десяток повстанцев с пулеметами, перстень, почему-то напугавший серых тварей, уже не поможет.

Народу возле чешских эшелонов прибавилось. Шум усилился, в нескольких местах уже шла драка, где-то совсем близко ударил выстрел, потом еще один. Толпа шарахнулась было прочь, но затем вновь прихлынула к перрону.

Ростислав стоял особняком, злясь на самого себя. Ничего не придумывалось. Арцеулов вздохнул и достал из кармана пачку папирос «Атаман» с грозным чубатым казаком на коробке. Куда-то подевалась зажигалка; Ростислав, негромко ругаясь, стал шарить по карманам, когда вдруг услышал щелчок – чьи-то руки поднесли к его лицу трепещущий огонек.

– Спасибо, – пробормотал капитан, жадно затягиваясь.

– Не за что, брат-вояк.

Арцеулов удивленно поднял глаза и увидел чешского подпоручика в зеленой шинели. Курносое лицо улыбалось, и только глаза молодого офицера вдруг показались Ростиславу какими-то неживыми – тусклыми и неподвижными.

– Что грустишь, брат-вояк?

По-русски он говорил чисто, почти без акцента. Арцеулов лишь пожал плечами. Легионер покачал головой и вновь усмехнулся.

– Сейчас здесь пройдет пан полковник Гассек, обратись к нему, он посадит тебя на поезд.

Арцеулов замер. Чех козырнул двумя пальцами и, круто развернувшись, зашагал в сторону эшелона. Вдруг он остановился, обернулся и сказал негромко, уже без всякой улыбки:

– Никогда не снимай перстня, брат-вояк!

Ростислав машинально глянул на кольцо, а когда поднял глаза, то странного подпоручика уже не было. Он оглянулся и вдруг увидел несколько легионеров, не спеша приближавшихся со стороны станции. Впереди шел пожилой офицер с полковничьими петлицами. Думать было некогда. Ростислав подождал, покуда чехи поравняются с ним, а затем быстро развернулся и заступил дорогу.

– Вы полковник Гассек?

Надо было спешить, покуда остальные офицеры не успели вмешаться.

– Та-а-ак, – протянул тот. – А в чем есть собственно…

Он сердито уставился на Арцеулова и вдруг замолчал. Свита, готовая уже вмешаться, стала нерешительно переглядываться.

– Я капитан Арцеулов. Выполняю чрезвычайное поручение Верховного Правителя. Требуется ваша помощь, госпо-

дин полковник!

– Ваш Верховный час назад сдал полномочия Деникину, – брезгливо прервал Ростислава один из офицеров.

– Помолчите, – перебил Гассек. – Продолжайте, капитан.

Арцеулов глубже вздохнул и выпалил:

– Имею приказ добраться до Иркутска. Срочно! Прошу помочь.

– Иркутск занят повстанцами, капитан, – напомнил один из чехов.

Ростислав молчал. Все, что было можно, было сказано. Союзники и раньше не горели желанием помогать Верховному. Теперь же, если адмирал действительно отрекся…

– Вы есть уверены, капитан, что вам нужно именно в Иркутск? – внезапно спросил полковник. – Там мы контролируем только вокзал…

– Так точно!

– Хорошо, – чуть подумав, ответил Гассек. – Мы доставим вас в Иркутск. Остальное – под вашу ответственность. Распорядитесь!

Последнее относилось к тому самому офицеру, что сообщил об отречении адмирала. Он с изумлением поглядел на полковника, затем на Арцеулова, явно не понимая причин такого внимания к безвестному русскому. Но полковник уже козырнул Ростиславу и направился дальше. Капитан с запоздалым сожалением сообразил, что не успел его поблагодарить.

– У пана полковника сегодня непонятное настроение… – вздохнул обладатель брезгливого голоса. – Так вы уверены, что вам надо именно в Иркутск?

– Да, – кивнул Ростислав, все еще не веря такой удаче.

– Хорошо, – продолжал чех. – Через полчаса отходит эшелон. Но имейте в виду – только до Иркутска. Если вы рассчитываете на что-нибудь большее…

– Мне надо в Иркутск, – повторил Ростислав, вдруг почувствовав, как нелегко дался ему этот день.

Глава 2. Посланец Сиббюро

Степа Косухин оказался в Иркутске ранним утром шестого января, голодный, изрядно замерзший, но полный революционного оптимизма. С ним была его партизанская гвардия – сотня черемховских шахтеров, вместе с которыми он воевал уже третий месяц. Еще за день до этого они доели последние консервы и дожевали остаток сухарей. О табаке и говорить не приходилось – курящие, в том числе и сам Косухин, страдали неимоверно. Мерзавцы-чехи предлагали меняться, но ничего путного в обмен не было. В конце концов распропагандированный Степой легионер подарил черемховцам две пачки какой-то жуткой японской отравы, которой хватило лишь на одну раскурку, да и то по половине папиросы на каждого. Впрочем, Степа не унывал. Он выполнил приказ Иркутского большевистского комитета и самого товарища Чудова, а по сравнению с этим все остальное казалось несущественной мелочью.

Приказ этот пришел в Черемхово аккурат вечером третьего января. Товарищ Чудов сообщал о взятии власти в Иркутске эсеровским Политцентром и требовал немедленной присылки подкреплений из числа надежных бойцов. Старшим он приказывал назначить товарища Косухина Степана Ивановича. Степа был горд. В Черемхово и его окрестностях было немало командиров постарше и поопытнее, и он вос-

принял приказ, как особое доверие партии. Правда, кое-кто, как он успел заметить, не очень рвался в Иркутск, где ожидались серьезные дела. Война шла к концу, и некоторые товарищи начали проявлять самый настоящий оппортунизм. Оппортунистов Косухин презирал. Быстро собрав отряд из добровольцев, он позаботился о том, чтобы каждый из партизан имел по две обоймы к винтовке и по три самодельные ручные бомбы, и той же ночью занял позицию вдоль железной дороги. Первые два эшелона, сопровождаемые бронепоездами, пришлось пропустить, зато третий взяли без боя. Легионерский пост у семафора был обезврежен заранее, и перепуганный чешский комендант эшелона после долгой ругани согласился выделить для маленькой армии Степы Косухина два пустых вагона. Правда, вагоны оказались товарными, мороз продирал до костей, а проклятые чехи категорически отказались выделить отряду хотя бы ящик тушенки. Но всем этим можно было пренебречь. Главное – быстрее добраться до Иркутска, где, как чувствовал Степа, его отряд будет очень нужен для дела Мировой Революции.

Смысл происходящего Косухин подробно объяснял бойцам отряда, для чего неоднократно переходил из вагона в вагон, один раз чуть не свалившись прямо под колеса поезда. Партизаны, ребята сознательные, понимали все с полуслова. Степа был уверен, что радоваться рано. Власть в Иркутске взяли не лучшие представители трудового народа – большевики, а тайные агенты мирового капитала – эсеры, сибирские

кооператоры и прочая мелкобуржуазная шушера. Более того, часть города по-прежнему контролируют мерзавцы-чехи, которые хотя и объявили нейтралитет, но втайне, без сомнения, сочувствуют классово близким им гадам-белогвардейцам. И наконец, поблизости от Иркутска стоят банды врага трудового народа атамана Семенова, а с запада, сквозь тайгу, к городу идет недобитый генерал Каппель. Ввиду этого Степа считал совершенно необходимым установление в Иркутске власти Советов.

Со Степой не спорили. Несмотря на свои двадцать два года, он был уважаем за лютую, истинно классовую ненависть к врагу и безупречное пролетарское происхождение. Все знали, что товарищ Косухина прислали в Черемхово еще в августе месяце по приказанию Сибирского бюро ЦК, – а что такое Сиббюро, знал каждый. Степа, до того громивший белых гадов под командованием Фрунзе, стал одним из организаторов повстанческого движения в районе Иркутска и вскоре неплохо проявил себя, заслужив похвалу самого товарища Нестора – знаменитого анархо-коммуниста Каландаришвили. Каландаришвили и познакомил Степу с товарищем Чудовым, который, как только в Иркутске начались бои, вспомнил о молодом посланце Сиббюро.

Отряд Косухина вывалился из вагонов аккурат на первой платформе Иркутского вокзала и тут же был со всех сторон окружен целым батальоном легионеров. Партизаны уже

отстегивали тяжелые самодельные бомбы жуткого вида, когда наконец, подбежал перепуганный офицеришка, с которым Степа вступил в переговоры. Как выяснилось, чехи всерьез решили, что воинство Косухина в нарушение перемирия прибыло для штурма иркутского железнодорожного узла.

Будь у Степы не рота, а, к примеру, батальон, он так бы и поступил, ибо соблюдать соглашения с проклятыми империалистами не собирался. Но силы были неравны, и Косухин потребовал немедленного предоставления каждому бойцу по пачке папирос и свободного пропуска в город. И то и другое было ему тут же обещано, после чего довольный таким развитием событий Косухин вывел отряд на привокзальную площадь.

Тут произошла заминка. Степа ни разу не был в Иркутске и не представлял себе, куда и каким маршрутом надлежит двигаться дальше. Втайне он надеялся, что кто-то – если не сам товарищ Чудов – позаботится встретить его гвардию. Но на привокзальной площади кроме толпы мешочников, дамочек определенного рода занятий и публики явно буржуйского вида, никого не оказалось. Подождав немного, Косухин решил проявить инициативу и действовать самостоятельно.

Прежде чем двигаться дальше, он велел бойцам привести себя в порядок, проверить оружие и проявлять классовую сознательность. Возражений не последовало, но по унылому виду подчиненных Степа не без грусти сообразил, что два

дня в заледенелых вагонах несколько поубавили сознательности в отряде. Он и сам понимал, что бойцов надлежит кормить и вовремя укладывать спать, но делать было нечего, и он дал приказ идти прямо к замерзшей Ангаре, за которой темнел ночной город.

Поход начался спокойно. Бойцы в меру возможностей соблюдали революционную дисциплину и даже пытались идти в ногу. Правда, иркутские обыватели, определенно из нетрудового элемента, почему-то шарахались в сторону, а некоторые, из наименее сознательных, даже пытались бежать. Вероятно, на них производили неизгладимое впечатление огромные самодельные бомбы, болтавшиеся на поясе у черемховцев. Взрывались они не всегда, зато моральное воздействие оказывали немалое, в чем Степа в очередной раз имел возможность убедиться.

Прямо за станцией отряд был остановлен каким-то эсеровского вида патрулем, но Степа не стал вступать в ненужные дискуссии, а попросту скомандовал «вперед» – и отряд прошествовал дальше под изумленными взглядами оторопелых солдат.

Вскоре путь отряду преградила Ангара, через которую пришлось перебираться по неровному льду. Степе объяснили, что могло быть и хуже – могучая река замерзала не каждую зиму, и тогда приходилось доверять сметанному на живую нитку наплавному мосту. Косухин представил себе дымящуюся под ногами черную гладь – и еле удержался, чтобы

не перекреститься.

Они шли уже больше часа. Вокруг вырастали недвусмысленно буржуазного вида дома, и Степа начал догадываться, что центр где-то недалеко. Он попытался было спросить об этом у встречных, но упрямые иркутские обыватели почему-то избегали беседы. В конце концов Степа избрал ориентиром огромный собор, возвышавшийся неподалеку. Собор привлекал Косухина прежде всего толщиной стен, за которыми можно всегда отсидеться – и высокой колокольней, где следовало расположить наблюдательный пункт.

Однако до собора дойти не удалось. За очередным перекрестком дорогу отряду преградил целый взвод солдат без погон, но с цветными повязками на рукавах шинелей. Степа, конечно, не сбавил бы темпа перед подобным препятствием, если бы не два пулеметных ствола, смотревших на него равнодушными черными зрачками. Это был веский аргумент, и Косухин приказал отряду остановиться.

Из рядов солдат вышел высокий бородатый мужчина в черной кожанке, обвешанный таким обилием оружия, что Степа даже позавидовал, и потребовал объяснений. Косухин сообразил, что его славный отряд почему-то принимают за банду грабителей, отчего в городе несознательные граждане подняли форменную тревогу. Возмущенный Степа хотел уже, проигнорировав пулеметы, идти на прорыв, но заметил, что из соседнего переулка не спеша выкатывается броневик. Косухин вздохнул и достал свой мандат.

Грозный мужчина в кожанке оказался самим Фролом Федоровичем, председателем Политцентра. Степа, представлявший эсеров исключительно гнусными интеллигентами с козлиными бородами и в пенсне, поглядел на знаменитого на всю Сибирь боевика с определенным уважением. Федорович же, убедившись, что перед ним не банда, а сознательный авангард черемховского пролетариата, смерил Косухина снисходительным взором и распорядился отвести отряд в казармы, где он будет поставлен на довольствие.

Степа вновь возмутился и потребовал немедленного свидания с товарищем Чудовым. Федорович не возражал, но категорически настоял, чтобы Косухин приказал отряду двигаться в указанном направлении, а именно в казармы, где для товарищей черемховцев будет приготовлена горячая еда. К товарищу же Чудову они направятся вместе, тем более, что сам Федорович как раз собирался в городскую тюрьму.

Степа не понял, какая связь существует между товарищем Чудовым и городской тюрьмой – не означало же это, что вождь иркутских большевиков до сих пор томится в застенках? Федорович поглядел на Косухина еще более снисходительно, пояснив, что именно в городской тюрьме товарищ Чудов разместил большевистский штаб.

Степа вздохнул и отдал команду. К его удивлению, бойцы, услыхав о предстоящем обеде, разом потеряли революционную бдительность, мгновенно побратавшись с классово подозрительными солдатами. Тем временем из переулка вы-

нырнул огромный автомобиль. Федорович кивнул, и Степа, вновь вздохнув, покорно сел в машину.

Тюрьма охранялась очень хорошо. Караульные долго не хотели пропускать Косухина, несмотря на грозный мандат, и лишь поручительство Федоровича открыло перед ним тяжелые ворота. Степа, еще ни разу в жизни в тюрьмах не бывавший, несколько оробел, но тут же одернул себя. Ведь именно здесь он сможет, наконец, повидаться с верным большевиком товарищем Чудовым!

…Пров Самсонович Чудов занимал маленькую комнатушку на втором этаже административного корпуса. Вождь большевиков сидел за столом, листая пухлое «дело» в серой обложке. При виде вошедших он грозно поднял брови, но затем радостно хмыкнул и, чуть переваливаясь, направился к гостям.

– А! Здорово, здорово, товарищ Косухин! – прогудел он низким басом, сжимая огромной ручищей Степину ладонь. – Вовремя ты, вовремя! Здорово, товарищ Федорович, проходи, проходи!

Бог не обделил Прова Самсоновича ни голосом, ни силой, зато ростом глава иркутских большевиков явно не вышел – невысокий Степа был выше Чудова не на голову, а чуть ли не на две. Но в остальном товарищ Чудов выглядел настоящим богатырем – особенно если не стоял, а сидел за столом, подложив на сиденье с полдюжины папок с делами.

Пров Самсонович, очевидно, догадывался об этом, поскольку тут же уселся на место, предложив гостям рассаживаться на скрипящих и шатающихся стульях. Степа садиться не стал, а остался стоять, желая доложить Прову Самсоновичу по всей форме. Но его опередил Федорович.

– Отряд Косухина мы разместили, – заявил эсер, доставая из кармана кожаной куртки портсигар и неторопливо закуривая. – Но в следующий раз, товарищ Чудов, прошу меня предупреждать. В городе напряженная обстановка, этак недалеко до паники!..

– Ниче, ниче! – взмахнул ручищей Пров Самсонович. – Пущай буржуи мясами поерзают! Пущай страху наберутся. От того делу пролетарьята одна польза будет!

Федорович не стал возражать, но недвусмысленно поморщился. Степа же, напротив, был полностью согласен с мнением Прова Самсоновича. Смущало, правда, что его славный отряд был принят не за авангард Мировой Революции, а за деклассированный разбойничий элемент. Косухин решил, что в следующий раз следует заранее запастись транспарантом красного революционного колеру с соответствующей разъяснительной надписью.

– Мы распределим отряд товарища Косухина для несения караульной службы, – продолжал Федорович. – Плохо, что город не знают… Ну ничего, разбавим нашими!..

Степа чуть не задохнулся от возмущения. Его славных орлов не только отправляли ловить мешочников, но еще и

«разбавляли» классово чуждым элементом! Между тем глава Политцентра перекинулся с хозяином кабинета несколькими словами по поводу какого-то генерала Ярышева, после чего пообещал заехать вечером и распрощался.

– Вот, видал! – буркнул Чудов после минутного молчания. – Думает, он тут хозяин! Ниче, ниче, ненадолго!

– А крепкий мужик, – заметил Степа, на которого зашитый в черную кожу председатель Политцентра все же произвел определенное впечатление.

– Посмотрим, какой-такой он крепкий! – пообещал товарищ Чудов, вставая и постукивая кулачищем по могучей груди. – И не таким вязы сворачивали! Мы с тобой, товарищ Косухин, первым делом чего должны сделать, а?

– Как чего, чердынь-калуга! – удивился Степа, любивший порой подобные кудрявые выражения. – Перво-наперво надо власть Советов определять!

– Точно, точно! – удовлетворенно прогудел Пров Самсонович. – Но для этого, товарищ Косухин, следует сил поднакопить. Пущай твои ребята по улицам походят да присмотрятся. А пока делами займемся. Дел у нас, товарищ Косухин, скажу тебе, много. Чистить город надо. Буржуев здесь – тьма. И офицерья тут, доложу тебе – сила. Лютые – страх!

– Да, сволочи они знатные, – кивнул Косухин. – Всех бы их – к стеночке, чердынь-калуга, да штыками, чтоб патроны зазря не тратить!

– Это правильно, – удовлетворенно заметил Пров Самсо-

нович. – По-нашему это, по-партийному… Постой, – вдруг осекся он. – Ведь у тебя-то самого, товарищ Косухин, брат родной офицером был, белой костью!

– Чего-о? Ты это, товарищ Чудов, брось! – Степа вскочил и от возмущения даже взмахнул рукой. – Ты про белую кость-то не очень! Мой брат кости нашей, пролетарско-крестьянской. И был не каким-то там офицером, а летчиком. На «Фармане» летал!

– А какая к шуту разница? – удивился Чудов. – Офицер – он все одно офицер!

– А такая… – буркнул Степа и замолчал.

Степан Косухин очень любил своего брата Николая. Оба рано осиротели, и Николай, который был старше Степы на десять лет, растил младшего, защищал, помогал учиться, рассказывал дивные истории о дальних странах, полярных путешествиях, о первых аэропланах, которые в ту пору нелегко было увидеть даже на фотографической карточке. Степан гордился братом – таким сильным, красивым, смелым, втайне мечтая закончить летную школу и тоже выучиться на авиатора.

…В октябре 1914 года Степе сообщили, что поручик Николай Косухин не вернулся из разведывательного полета. Случилось это неподалеку от города Рава-Русская в далекой Галиции.

– Ну, товарищ Косухин, – примирительно заметил Чудов, – я ж тебя знаю, как верного партийца, а чуждый эле-

мент, он всегда затесаться может.

– Николай – не чуждый элемент, – негромко, но зло отрезал Степа. – Он лучше всех вас был! Он в тринадцатом году рекорд высоты поставил. И на фронт добровольно пошел, хотя мог в авиашколе остаться!

– Ну это ты брось! – возразил Чудов. – Куда он добровольно пошел? На империалистическую войну, защищать царя да помещиков? Вижу, молодой ты еще, Степан, да недостаточно сознательный!

– Мне, между прочим, орден Красного Боевого Знамени сам товарищ Троцкий вручал, – нахмурился Степа. – А сюда Сиббюро прислало – видать, за несознательность!

Тут уж Прову Самсоновичу пришлось смолчать. Товарищ Чудов уважал товарища Троцкого и тем более Сиббюро, хотя и считал, что те, что находятся за линией фронта, ни черта в здешних делах не понимают.

– Ладно, – примирительно заметил он. – Закроем для ясности. Иди, товарищ Косухин, отдыхай, а вечером делами займемся. Будешь ты в городе Иркутске моим боевым заместителем!..

Отдыхать Степе пришлось здесь же, в помещении тюрьмы, в соседней комнате. Вечером же он получил под свою команду пятерых бойцов большевистской боевой дружины с приказом пройтись по разным адресам, где, по сведениям сознательных граждан, могли укрываться недобитые офицеры. Проводником был назначен молоденький очкастый гим-

назист из сочувствующих.

Первые несколько адресов оказались липой. Повезло лишь однажды – на одной из квартир удалось задержать полковника, забежавшего на часок повидаться с женой. Арестованного тут же отправили под караулом к товарищу Чудову, а сам Степа с двумя оставшимися бойцами да с очкастым гимназистом направились по последнему адресу – на улицу Троицкую.

Дом был двухэтажный. Перепуганный дворник сообщил, что нужная квартира находится на втором этаже, принадлежит же она не кому-нибудь, а действительному статскому советнику Бергу.

Степа осторожно, стараясь не попадать под свет агонизирующего фонаря, оглядел подозрительные окна. На первый взгляд в квартире было темно, но всмотревшись, Косухин заметил тонкую полоску света.

«Шторы задернули, – понял он. – Бывалые!..»

Наверх вела узкая наружная лестница. Имелся и черный ход, но он тоже не вызывал доверия. Косухин обошел дом, подумал, шепотом расспросил дворника о планировке квартиры и, наконец, принял решение.

Один из дружинников получил приказ сторожить у главного входа, другой – у черного. Гимназиста, как недостаточно боеспособного, Степа отослал в дворницкую, предварительно реквизировав у него шарф. Когда все было гото-

во, Косухин скинул полушубок, проверил оружие и обмотал лицо конфискованным шарфом. Осторожно, стараясь оставаться в густой черной тени, он прошел по лестнице и, легко подтянувшись, оказался рядом с окном одной из комнат. Окно было двойным и закрытым на совесть. Степа тихо чертыхнулся, поправил прикрывавший лицо шарф и что есть силы врезал рукояткой револьвера по стеклу.

Через несколько секунд Косухин был уже в комнате. Соскочив на пол, Степа выхватил гранату и, одним прыжком добравшись до двери, распахнул ее.

Перед ним была еще одна комната, на этот раз освещенная. Посреди стояли трое мужчин. Двое – явно офицерского вида в зеленых френчах, третий же, в очках, худой и тщедушный, сразу напомнил Степе его проводника-гимназиста.

– Ни с места, – выдохнул Косухин. – Не двигаться, чердынь-калуга, а то всех положу, контра! Руки поднять! Эй ты, в очках!

– Простите, вы мне? – с нотками возмущения поинтересовался тщедушный тип.

– Вам, вам! – усмехнулся Степа. – А ну-ка дуй в переднюю и отворяй дверь! И смотри: чуть что – стреляю!

Вскоре в комнату уже входил сторожевший на лестнице дружинник, а еще через минуту был открыт черный ход, и вся маленькая Степина армия оказалась в сборе.

– Выкладывай оружие! – распорядился Косухин. – Да живо, контра, пошевеливайся!

У офицеров нашлись два револьвера и кортик. У тщедушного, как и думал Степа, оружия не обнаружилось.

– Ну и хорошо, – резюмировал Косухин. – Граждане, вы арестованы, как подозрительный элемент. Прошу документы.

– Так вы ЧК? – удивился один из офицеров.

– А кто же еще? – в свою очередь поразился людской непонятливости Степа. – Вы что, Красный Крест ждали?

– Мы думали, вы бандиты, – пояснила контра. – А, впрочем, разницы не вижу… Вот наши документы. Никакого отношения к хозяевам ни я, ни мой товарищ не имеем. Мы просто постучались, и нас приютили…

У задержанных оказались офицерские книжки; один был капитаном, второй – подполковником.

– Ну, а ты что, тоже постучался? – поинтересовался Косухин у тщедушного юноши в очках.

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном! – возмутился тот. – Извольте говорить мне «вы»!

Степа хотел было разобраться с наглым буржуем, но затем решил, что препирательство с таким типом ниже его революционного достоинства.

– Прошу предъявить документы, – предложил он. – И побыстрее, пожалуйста!..

У очкастого типа обнаружилась большая бумага с печатями, из которой явствовало, что задержанный является студентом Петербургского университета. Фамилия там тоже бы-

ла, но Степа ее не запомнил.

– Собирайтесь, – велел он арестованным. – А я покуда комнаты осмотрю.

При этих словах тот один из офицеров переглянулся со студентом, и Степа понял, что дело тут нечисто.

– Кто еще есть в квартире? – поинтересовался он.

– Здесь племянница хозяина, – начал офицер. – Видите ли…

– Значит, племянница, – перебил его Степа тоном, не обещавшим неизвестной ему племяннице ничего доброго, но тут дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась – и Косухин умолк.

На пороге стояла девушка в длинном, не по росту, платье, концы которого волочились по полу. На голову была накинута огромная малиновая шаль, в руке же она держала большую бумажную розу.

– У нас гости, господа! – радостно воскликнула она. – Гости! Среди ночи! Это так романтично! Позвольте, я подарю вам эту розу…

Девушка подбежала к Степе и протянула ему бумажный цветок.

– Простите, – попытался вставить слово пораженный Косухин, но та, не слушая его, мгновенно пристроила розу на Степин полушубок.

– Кто вы, рыцарь, пришедший из тьмы? – вопросила она.

– Мы из ЧК, барышня, – пояснил один из дружинников.

– «Чека»? – воскликнула девушка. – А что такое – «чека»? В этом слове столько тайны!..

С этими словами она положила руку на плечо Косухину, отчего тот почувствовал себя крайне неловко.

– Она чего, не в себе? – негромко поинтересовался он.

– Вы же видите! – пожал плечами один из офицеров.

Между тем девушка удивленно посмотрела на Степу, рот ее округлился и она произнесла нечто среднее между «о» и «а».

– Так вы… – прошептала она, – вы пришли из-за Шера? Вы нашли его? Скажи мне правду, вы нашли его?

– Вы о чем? – Степа огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть поблизости неизвестного ему Шера.

– Это кот, – сообщил другой офицер. – У нее был кот… Во всяком случае, ей так кажется.

– Вы не нашли его, моего Шера! – с отчаянием воскликнула девушка. – О, мой Шер! Неужели вы не можете ничего сделать? Его так легко узнать – это мраморный табби, у него такая умная мордочка!..

– Пошли, – вздохнул Степа. – Поищем вашего кота, барышня…

– Ну ты молодец, товарищ Косухин! – заявил довольный ночным походом Чудов. – Знатных лещей наловил! А чего девку не привел?

– Так она же больная! – удивился Степа. – Да и куда она

из квартиры денется?

– Ну-ну, – заметил Пров Самсонович. – Я на твоем месте и ее захватил бы… Правило наше такое – брать всех, а там и разбираться. Ну ладно, завтра еще адресов подкину. Почистим пролетарский Иркутск от буржуйской нечисти!

– Мелочь это, – снисходительно хмыкнул Степа. – Вот если б Федоровича, вражину, за жабры взять!..

Впрочем, «вражина»-Федорович мог пока что чувствовать себя в полной безопасности. Более того, именно глава Политцентра изрядно нарушил планы Прова Самсоновича относительно Степы. На следующее же утро невыспавшийся Косухин был направлен на позиции западнее Иркутска, чтобы подготовить их к неизбежным боям – каппелевцы приближались к городу. Целый день Степа руководил рытьем окопов, пристреливал пулеметные точки и готовил минирование большого железнодорожного моста. Приехавший к вечеру на осмотр позиций Федорович остался доволен и предложил Косухину возглавить этот оборонительный участок. При этом вражина-эсер сделал кислое лицо, заметив, что его достойный союзник-большевик товарищ Чудов слишком увлекся ловлей гимназисток в ночном Иркутске.

Степа хотел было прочитать недоумковатому эсеру лекцию о значении ВЧК, карающего меча революции, но сдержался. По молодости – или по отмеченной Провом Самсоновичем политической наивности – Косухин все же предпочитал сходиться с врагами лицом к лицу. Образ несчастной де-

вушки в малиновой шали, трогательно просившей его, представителя железной когорты большевиков, найти пропавшего кота, не выходил из головы.

Степа дал Федоровичу предварительное согласие, дождался смены и с чувством выполненного долга направился к товарищу Чудову.

К удивлению Косухина, у кабинета Прова Самсоновича его остановил караул. Ни мандат, ни даже удостоверение, подписанное недобитым врагом революции Федоровичем, не помогли. Степа всерьез обиделся на товарища по партии и хотел было идти восвояси, когда дверь отворилась и на пороге возник сам Пров Самсонович.

– А, товарищ Косухин, – загудел он, хлопая Степу огромной ручищей по плечу. – Заходь, заходь! Ты не обижайся, тут у нас разговор серьезный, важный… Ну, а ты, ясное дело, свой…

Несколько успокоенный этими словами Косухин шагнул внутрь и сразу же понял, что у товарища Чудова гости. Точнее, гость был один.

За столом сидел худощавый стройный мужчина в ладно сидевшей серой шинели. Его лицо – красивое, с тонкими, явно непролетарскими чертами вначале не особо понравилось Степе. Смущало и то, что цвет был какой-то странный – темно-красный, почти пунцовый. Холодные, бесцветные глаза смотрели на вошедшего внимательно, но, как показалось Косухину, без малейших эмоций.

– Знакомься, Степан, – Пров Самсонович, чуть переваливаясь на ходу, вернулся к столу и стал взбираться на стул, стараясь не сбросить лежавших на нем папок. – Это товарищ Венцлав, командир 305-го полка.

Рука товарища Венцлава оказалась тонкой, но сильной и холодной, как лед. Степа, между тем, начал старательно вспоминать:

– 305-й? Это же полк Бессмертных Красных Героев!

– Точно, – прогудел Пров Самсонович. – Видал, кого к нам прислали? Уважают, значит…

Степа чуть не задохнулся от волнения. Весь Восточный фронт знал, что такое полк Бессмертных Красных Героев. Попасть туда мечтал каждый, но брали немногих.

– Я, значит, пойду, – заявил между тем Чудов, пресекая попытку Степы доложить о своих достижениях. – Дела у нас, товарищ Косухин, важнее важных!..

– Идите, товарищ Чудов, – негромко, но властно распорядился товарищ Венцлав, и Косухин понял, что у иркутских большевиков появился новый руководитель.

Пару минут они стояли молча. Венцлав смотрел куда-то в сторону, словно не замечая Степы, а тот никак не решался заговорить с командиром легендарного полка. Наконец, Косухин набрался смелости:

– Вы, товарищ Венцлав, прибыли в Иркутск вместе с полком?

– Нет, – не поворачивая головы ответил тот. – Полк сейчас

в составе Пятой армии. Я добрался один, через тайгу. Мои ребята прибудут позже.

Степа знал, что такое добираться через тайгу по такому морозу, и тут же зауважал товарища Венцлава еще больше.

– Я беседовал с представителем Сиббюро, Степан Иванович. Там вами довольны. Я имею приказ о том, что вы переходите в полное мое подчинение.

– Так точно, – только и мог ответить Степа.

– Я знаю, что вам предложили возглавить западный боевой участок, – продолжал Венцлав, по-прежнему глядя куда-то в сторону. – Не сомневаюсь, что вы бы справились отлично. Но речь сейчас идет о выполнении особого задания Реввоенсовета…

Степа был поражен не столько важностью поручения, с которым прибыл товарищ Венцлав, сколько тем, откуда командир легендарного 305-го узнал о его разговоре с Федоровичем.

– Но вначале давайте кое-что уточним, – Венцлав медленно повернулся и поглядел прямо в глаза Степы, отчего тот сразу почувствовал себя неуютно.

– Вы – Косухин Степан Иванович. Член партии с октября 17-го, воевали на Восточном фронте, за бои на Каме получили орден Красного Знамени…

Степа вновь кивнул. Если в разговоре с Чудовым упоминание об ордене наполнило его гордостью, то теперь же ему стало почему-то совестно.

– С августа вы представитель Сиббюро, воевали в окрестностях Черемхово и Иркутска. Значит, местность знаете хорошо?

– Я Иркутск совсем не знаю, – признался Степа. – А вот леса вокруг, это точно… Облазил.

– Отлично, – резюмировал Венцлав. – А теперь слушайте внимательно…

Степа подобрался, весь превратившись в слух. Товарищ Венцлав наконец-таки отвел свой взгляд, и Косухин сразу же почувствовал себя увереннее.

– …Верховный Правитель адмирал Колчак в ближайшие дни будет передан Политцентру. Думаю, он уже не опасен и получит свое. Через некоторое время, очевидно, нам отдадут и золотой эшелон. Но враг еще не разбит до конца. У нас есть данные, что группа офицеров сумела спрятать где-то в тайге часть золотого запаса Республики. Мы должны вернуть это золото, Степан Иванович…

Степа хотел ответить «Есть», но в горле внезапно пересохло. Товарищ Венцлав, казалось, понял его:

– Это трудное задание, Степан Иванович. Мы будем работать с вами вместе. Скоро подойдет подмога, но за это время надо успеть сделать самое важное…

– Где это золото? – неожиданно хриплым голосом спросил Степа. – Куда его спрятали?

Товарищ Венцлав тихо, почти беззвучно рассмеялся, но глаза его оставались по-прежнему холодными и равнодуш-

ными.

– Золото было спрятано заранее, и найти его будет очень трудно. Но есть одна зацепка – нам известно, что руководил этой операцией генерал Ирман…

– Так надо же!.. – начал было Косухин, но Венцлав покачал головой.

– Мы уже выяснили – Ирман не покидал Иркутска. Его нет и на станции, в зоне контроля чехвойск…

Степа стал лихорадочно прикидывать, что бы предпринять. Ясное дело, квартира генерала, его знакомые, расспросить сознательных граждан в каждом районе… Эх, знать бы приметы, а еще лучше иметь фотографическую карточку!..

Он несмело кашлянул и изложил свои соображения товарищу Венцлаву. Тот, пожав плечами, достал небольшой фотографический снимок. Генерал Ирман был бородат, суров, на скуластом лице темнели большие выразительные глаза.

– Что вы можете сказать, товарищ Косухин? – осведомился командир 305-го после того, как Степа внимательно изучил генеральскую внешность.

– Гидра! – уверенно заявил Косухин. – Такие в плен не сдаются…

– Это очень умный и сильный человек, – задумчиво проговорил Венцлав. – Хорошо, что вы напомнили мне о фотографии… Подождите-ка…

Венцлав взял в руку карточку, провел несколько раз ладонью над ее поверхностью, затем несколько секунд подержал

руку над снимком.

– Мне надо было подумать об этом раньше, – наконец заметил он. – А вы действительно зрите в корень, Степан Иванович… Может, вас это несколько удивит, но я почти уверен, что генерала нет в живых.

– А с чего вы так решили? – изумился Косухин.

– Это несложно, – равнодушно бросил Венцлав. – И хорошо, если бы я ошибся…

Но он не ошибся. Вернувшийся вскоре Пров Семенович несколько растерянно сообщил, что двое из арестованных офицеров сообщают одно и тоже – генерал Ирман умер от скоротечного воспаления легких как раз под Новый год, когда в Иркутске шли бои.

Степа был поражен, а командир 305-го лишь недовольно скривился и дал Степе совершенно непонятное задание – узнать, где был похоронен Ирман или, если похоронить его не успели, где находится его тело.

Поручение товарища Венцлава было несложным. Квартира генерала Ирмана оказалась пустой и разграбленной, но соседи рассказали Косухину, что генерал действительно скончался и похоронен на Преображенском кладбище. На этом Степа не успокоился, побывав на кладбище и найдя в церковной книге соответствующую запись. Перепуганный сторож показал ему и занесенную снегом могилу генерала. Оставалось все это доложить товарищу Венцлаву. Косухин

внимательно осмотрел и генеральскую квартиру, но ничего важного там не обнаружил. Единственным его трофеем была пятнистая генеральская кошка, которую приютили соседи. Невзирая на протесты, Степа конфисковал зверька, на которого имел свои виды.

Перед тем, как возвращаться к товарищу Венцлаву, Степа забежал на Троицкую. На стук долго не открывали, и Косухин начал уже волноваться, когда наконец послышались легкие шаги, и дверь отворилась.

Девушка была в прежнем нелепом платье и малиновой шали. Странные, недвижные глаза смотрели на гостя с испугом и недоверием.

– Эта… здравствуйте, барышня… – смущенно проговорил Степа. – Я кошку вам принес. Вот…

Кошка, почувствовав, что разговор идет о ней, выглянула из-за ворота Степиного полушубка и замяукала.

– О! – воскликнула девушка, переходя от испуга к неописуемой радости. – Это вы, мой рыцарь из «чека»? Вы нашли моего Шера! О, как жаль, у меня нет розы, чтобы подарить вам!..

– Да чего там, – Степе стало неловко. – Берите…

Девушка осторожно взяла кошку, легко подула на пушистый мех и восторженно погладила мяукающий подарок.

– Я сегодня устрою бал, – шепотом сообщила она. – Мы будем танцевать большой вальс!

– Еда-то у вас есть? – поинтересовался практичный Косу-

хин. – Этак с голоду дойдете!

– Мне не нужно еды, – еще тише проговорила больная. – Мне хватает лунного света…

– Ладно, – вздохнул Степа, сообразивший, что придется позаботиться и об этом. – Как вас зовут-то, барышня?

– Это тайна! – испуганно воскликнула она и отшатнулась. – Вы пришли узнать эту тайну! Вы пришли меня погубить!

– Ну вот еще! – Степа совсем растерялся, между тем девушка подошла к нему совсем близко и взглянула прямо в глаза.

– Нет! Я вижу, вы не желаете мне зла. Я скажу вам… Меня зовут Али-Эмете. Али-Эмете…

– Степан, – представился Косухин и поспешил откланяться. Он понял, что бедной девушке совсем худо, если она выдумала себе какое-то то ли татарское, то ли вообще персидское имя.

Товарищ Венцлав выслушал Степу очень внимательно, похвалил и велел быть готовым к одиннадцати вечера. Косухин ни о чем не стал спрашивать, но на всякий случай проверил оружие и надел лишние теплые носки – ночи в Иркутске были беспощадно холодными.

В начале одиннадцатого товарищ Венцлав велел выходить. Возле тюремных ворот их ждал грузовик и несколько бойцов из местных. Ехали долго, и Степа успел разговорить-

ся с дружинниками. Те оказались своими ребятами, из железнодорожных мастерских. Сперва Косухин от души изругал поганого эсеришку Федоровича, в чем его дружно поддержали, а затем только обратил внимание, что дружинники вместо винтовок были вооружены лопатами и даже ломами. Он удивился, но ребята и сами не знали, в чем дело.

Ехали очень долго. Наконец, автомобиль затормозил. Из кабины вышел товарищ Венцлав и велел строиться. Вскоре все уже стояли на ледяной, потрескивавшей от холода земле. Степа огляделся и вздрогнул – прямо перед ним были уже известные ему ворота Преображенского кладбища.

– Инструменты взяли? – поинтересовался Венцлав. – Ну, показывайте дорогу, товарищ Косухин!

Степа не стал переспрашивать и, вздохнув, повел отряд к могиле Ирмана.

– Двое к воротам, – распорядился Венцлав. – Никого не пускать!

Затем легко ткнул валенком в заснеженный надгробный холм:

– Начинайте!..

Инструмента Косухину не досталось, чему он был весьма рад – раскапывать могилы еще не приходилось. Он стал поближе к товарищу Венцлаву и закурил, стараясь не оглядываться на то, что происходит у него за спиной. Как ему казалось, он догадался, в чем дело – в могиле генерала могли быть спрятаны какие-то важные документы. Венцлав не ку-

рил и молчал, глядя куда-то в темноту.

– Как у вас с нервами, Степан Иванович? – внезапно спросил он.

– Это… насчет мертвецов?

Степе на мгновенье стало жарко. Мертвецов он боялся с детства.

– Видали мы мертвяков… – наконец, рассудил он. – Всяких.

– Ладно, – кивнул Венцлав и, повернувшись к дружинникам, велел: – Поскорее, товарищи! Мы должны успеть до полуночи.

«Почему до полуночи?» – удивился Степа, но смолчал.

Закаменелая земля поддавалась с трудом, но дружинники были парнями крепкими, к тому же работали, меняясь, в две смены. Вскоре лопата глухо ударилась о крышку гроба.

– Без четверти двенадцать, – Венцлав взглянул на часы. – Вытаскивайте и уходите! Быстрее!

Через несколько минут тяжелый дубовый гроб уже стоял около разрытой могилы. Дружинники, боязливо оглядываясь, заспешили к воротам.

– Ждите в машине, – крикнул им вслед Венцлав и кивнул Косухину. Степа сглотнул внезапно подступившую слюну и подошел ближе.

– Берите лом, – приказал Венцлав. – Крышку долой! Спешите, скоро полночь…

Степа выругал себя за трусость и склонность к мелкобур-

жуазным предрассудкам и попытался поддеть ломом покрытую бронзовыми украшениями крышку. Дерево не поддавалось. Степа озлился всерьез, ударил ломом, что есть силы и увидел, что между крышкой и нижней частью гроба образовалась щель. Остальное было нетрудным – через пару минут отодранная крышка лежала рядом.

Мороз сохранил покойного – спокойное суровое лицо Ирмана казалось живым.

– Полночь! – голос Венцлава прозвучал неожиданно громко, и Степа вздрогнул. – Степан Иванович, станьте рядом и молчите, что бы не случилось. Молчите и слушайте…

Степа, ничего не понимая, встал поблизости от гроба. Он думал, что товарищ Венцлав собирается обыскать последнее жилище генерала, но Венцлав внезапно простер над гробом руки, плавно провел ими по воздуху и, наконец, замер, держа ладони над лицом мертвеца. Послышались странные слова – Венцлав читал нараспев что-то, напоминающее то ли церковную службу, то ли (что было совсем дико) колыбельную песню. Это продолжалось минуты три, как вдруг Венцлав громко крикнул: «Встань!» – и взмахнул правой рукой.

И тут же Степа почувствовал, что земля начинает уходить из-под ног. Мертвое лицо Ирмана дернулось, задрожали ресницы, и генерал открыл глаза. Но самое страшное лишь начиналось – Венцлав неторопливо двинул рукой, и мертвец начал приподниматься. Минута – и он уже сидел в своем гробу. Белые застывшие губы шевельнулись, и Косухин услы-

шал низкий хриплый голос:

– Зачем… ты звал меня?

– Ответь на вопрос – и я тебя отпущу, – Венцлав наклонился почти к самому лицу мертвеца. – Что такое «Рцы мыслете покой»?

– Это пароль операции «Владимир Мономах», – мертвый голос звучал ровно и без всякого выражения.

– Кто должен руководить ею после твоей смерти?

– Полковник Лебедев. Но дать приказ может лишь Руководитель Проекта…

– Что такое «Владимир Мономах»?

Несколько секунд мертвец молчал. Сжавшийся в комок Степа вдруг заметил, что в глазах Ирмана мелькнуло нечто осмысленное. Через мгновенье он понял, – это была страшная, неведомая живым боль.

«Господи, нельзя же так!» – вдруг подумал Косухин. Он давно уже не поминал Творца, считая себя убежденным атеистом, но этот ужас никак не укладывался в столь родное ему учение Маркса и Энгельса.

– Что ты знаешь о «Владимире Мономахе»? – Венцлав резко ударил мертвеца по лицу.

– Господи! – прошептал Косухин. – Прекрати это, Господи!

И, сам не понимая, что делает, быстро перекрестился.

В ту же секунду глаза мертвого Ирмана широко раскрылись, в них вспыхнул гнев – и над гробом неторопливо под-

нялись огромные скрюченные руки.

– Назад! – крикнул Венцлав, но мертвец уже схватил его за горло. Мертвый рот раскрылся, послышалось хриплое рычание. Венцлав пытался сбросить вцепившиеся в него ручищи, но мертвый генерал уже вставал, глаза горели красным огнем, черная борода зашевелилась…

– Косухин!.. – прохрипел командир 305-го. Степа опомнился, схватил лом и, зажмурившись, ударил по мертвому лицу Ирмана. Затем ударил еще, и еще – пока наконец не услышал чуть придушенный голос товарища Венцлава:

– Хватит, Степан Иванович… Спасибо.

Тело генерала почти вывалилось из гроба. Лицо, куда пришлись удары лома, уже ничем не напоминало лик человека.

– Позовите тех, – Венцлав кивнул в сторону ворот. – Пусть закопают… Что, хорош, а?

– Они… все так могут? – шепотом поинтересовался Степа.

– К счастью, нет, – коротко рассмеялся товарищ Венцлав. – Как видите, допрос мертвого свидетеля – вещь достаточно опасная. Но кое-что мы все-таки узнали. Как фамилия того полковника, запомнили?

– Лебедев, – тихо проговорил Степа, чувствуя, что видит какой-то жуткий бесконечный сон. – Полковник Лебедев…

Глава 3. Полковник Лебедев

О том, что генерал Ирман мертв, Арцеулов узнал почти сразу, еще на иркутском вокзале, куда доставил его чешский эшелон. Было утро 8 января, по-прежнему светило холодное, подернутое белесой дымкой солнце, а мороз окончательно сорвался с привязи – даже днем ртуть зашкаливала за минус тридцать.

Вокзал, занятый легионерами, был полон беженцев. Чехи пускали отнюдь не каждого, в результате чего в залы ожидания оказались забиты офицерами, генералами и высшими чиновниками министерств; в одном из вагонов удобно устроились несколько министров уже канувшего в вечность правительства Верховного. Публика шумела, осаждала буфеты и вела бесконечные переговоры с командованием легиона о вывозе их из иркутской ловушки. Среди этого Вавилона Ростислав довольно быстро повстречал нескольких сослуживцев, которые познакомили его с бывшим адъютантом Ирмана. Молодой штабс-капитан подробно рассказал Арцеулову о смерти и похоронах генерала. Увы, эти сведения ничем не могли помочь, и Ростислав осведомился о полковнике Лебедеве. Адъютант вспомнил, что такой полковник имел какое-то отношение к авиации и несколько раз бывал у Ирмана, но ни в военном министерстве, ни в Иркутском гарнизоне вроде бы не числился.

Арцеулов понял, что на вокзале ему делать больше нечего. Оставалось дождаться ночи и выбираться в город. Адъютант Ирмана, с которым он поделился этой мыслью, поглядел на Ростислава, как на ненормального, посоветовав хотя бы избавиться от столь приметного черного полушубка. Арцеулов, однако, рассудил, что первый же патруль заберет его в любом случае – хоть в форме черного гусара, хоть в обыкновенной шинели. Приходилось надеяться на ночь, оружие и собственную реакцию.

Куда более сложным был вопрос о маршруте. Помог все тот же адъютант, начертавший на папиросной коробке целый план, дабы Арцеулов сообразил, куда и как добираться. За этим занятием время прошло быстро. Выглянув в окно зала ожидания, Ростислав понял, что короткий зимний день движется к концу. Подойдя к выходу на привокзальную площадь, Арцеулов закурил и стал наблюдать.

Прямо за линией чешского караула толпилась разнообразная штатская публика, большей частью с узлами и чемоданами. Эти были не опасны, но чуть дальше он заметил несколько вооруженных групп, перекрывавших все уходящие от привокзальной площади улицы. Итак, прямой путь был закрыт. Оставалась еще одна возможность – попытаться обойти посты со стороны железнодорожных путей, но там могли стоять свои посты, кроме того, станция надежно охранялась легионерами…

– Проблемы, брат-вояк?

Знакомый чех в зеленой шинели стоял рядом, с доброжелательной усмешкой глядя на Арцеулова.

– Добрый вечер, подпоручик! – Ростислав поневоле обрадовался знакомому лицу. – Извините, не успел поблагодарить…

– Не за что, – весело, хотя и как-то странно улыбнулся чех. – Я ведь твой должник, брат-вояк…

– Должник? Не припомню, – растерялся Арцеулов.

– А это и не важно, – чех извлек откуда-то из кармана странную разноцветную повязку. – Надевай. И не забудь снять погоны.

Ростислав подчинился. Подпоручик внимательно оглядел его, велел снять кокарду и наконец кивнул:

– Так сейчас многие носят. Можем идти…

Арцеулов не стал спорить. Он уже понял, – странный чех знает, что нужно делать.

Они прошли через последний легионерский пост и оказались на площади. Подпоручик уверенно кивнул в сторону ближайшего караула.

– У меня нет документов, – Арцеулов на всякий случай расстегнул крючок полушубка, чтобы быстрее дотянуться до оружия.

– Не беда, брат-вояк, – усмехнулся подпоручик. – Обойдемся…

Караул состоял из нескольких солдат и офицера – без по-

гон, зато с уже знакомыми повязками. Капитан ожидал окрика и приказа остановиться, но, к его удивлению, офицер лишь козырнул, приказав пропустить Арцеулова и его спутника. Оказавшись за линией постов, Ростислав перевел дух и попытался первым делом содрать не нравившуюся ему повязку – носить вражеские знаки различия было неприятно.

– Не надо, брат-вояк, – посоветовал легионер. – Пригодится… Ну, прощай!..

Он козырнул двумя пальцами и, прежде чем удивленный капитан успел опомниться, свернул в ближайший темный переулок.

«Ну и ну, – только и подумал Ростислав, медленно шагая по пустынной улице. – Неужели этого чеха приставил ко мне Верховный? Или?..» Вспомнились слова, слышанные во сне. «Тебе поможет тот, кому ты уже помог, но забыл об этом…» Ростислав стал честно вспоминать, но ничего подходящего в голову не приходило. Чехов он не любил с самого начала и ни разу вместе с ними не воевал.

Впереди была целая ночь, ну, а утром… О том, что произойдет утром, когда скрыться будет негде, думать не хотелось. Арцеулов перебрался через Ангару и не спеша двинулся по неизвестной ему улице, прикидывая, что можно придумать в его положении. Будь дело летом, он легко нашел себе убежище где-нибудь на чердаке, но в такой мороз это грозило верной гибелью. Можно было, конечно, постучаться в первую же попавшуюся квартиру, но в таком случае он

подвергнет опасности не только себя, но и ни в чем не повинных людей…

Внезапно где-то вдали Ростислав уловил громкие мужские голоса, затем послышался крик и мощная ругань. Арцеулов выхватил наган, огляделся и нырнул в темную подворотню. Ругань стихла, но голоса продолжали о чем-то громко спорить. Затем спор прекратился, и вдалеке послышались тяжелые шаги. Те, что выясняли отношения, приближались. Капитан прижался к стене, стараясь не обращать внимания на нечеловеческий холод. «Сейчас согреюсь», – решил он. И не ошибся.

Это, как и ожидал Арцеулов, был патруль. Четверо, вооруженные винтовками, вели пятого – высокого, в оборванной, местами прожженной офицерской шинели. «Свой», – понял Ростислав, внимательно приглядываясь к конвоирам. Трое были обыкновенными увальнями-пролетариями. Винтовки они держали настолько нелепо, что капитан даже скривился от презрения. А вот четвертый – он шел последним – его поневоле заинтересовал: маленький, почти квадратный, с могучим торсом и ручищами, почти касавшимися земли. В отличие от всех остальных, одетых в старые шинели явно с чужого плеча, на коротышке-колобке было ладно сшитое кожаное пальто на меху, подпоясанное ремнем с кобурой.

«А это, стало быть, главный», – рассудил Арцеулов, неслышно расстегивая крючки полушубка. Вопрос о том, вмешиваться или нет, естественно, не стоял. Речь шла лишь

о наиболее эффективном методе действия…

Ростислав пропустил караульных немного вперед, подождал, покуда один из дружинников поравняется с ним и, резко выдохнув воздух, прыгнул. Сознание не вмешивалось – дело было несложным, все происходило как бы само собой. Конвоир все же успел услышать какой-то шум и начал поворачивать голову. Подбородок чуть приподнялся – и ладонь Арцеулова рубанула в узкий промежуток. Покуда дружинник с хрипом оседал на землю, его винтовка уже оказалась в руках у Ростислава. Удар штыка пришелся в бок одному из шедших впереди. Тот вскрикнул, и в тот же момент третий конвоир успел-таки обернуться и броситься на капитана.

Это было уже опаснее, поскольку сзади оставался коротышка, но враг, к счастью, оказался новичком в штыковом бою. Арцеулов усмехнулся, легко парируя неумелый удар, резким выпадом всадил штык прямо в сердце – и тут же развернулся. Вовремя! В руках коротышки уже подпрыгивал наган.

Стрелять не хотелось – на шум могла прибежать подмога, поэтому Ростислав ударил от плеча, попав прикладом колобку в кожанке прямо в зубы. Тот не упал, а не, торопясь, даже с некоторым достоинством, сел в сугроб, не выпуская оружия. Арцеулов добавил ему прикладом по физиономии, легко выбив револьвер, и в довершение пнул краснопузого сапогом, отчего тот бухнулся на бок и зарылся в сугроб.

Арцеулов поднял наган колобка и быстро огляделся.

– Уходим! – кивнул он офицеру, неподвижно простоявшему всю схватку. Тот дернул руками, и Ростислав сообразил, что пленный крепко связан. Нож был далеко, поэтому капитан схватил бедолагу за плечо и потащил в переулок.

– Бежать сможете? – шепнул он, прислушиваясь. Вокруг было тихо, и капитан понадеялся, что несколько лишних минут у них имеется.

– Могу, – хрипло ответил офицер. – Вот только руки…

– Черт! – Арцеулов наконец извлек нож, который он носил по давней фронтовой привычке на левом боку, и одним ударом рассек веревки.

– Держите! – трофейный револьвер был передан освобожденному, и через секунду оба уже бежали вдоль темных домов. Но вскоре Арцеулов понял, что надо передохнуть – ледяной воздух резал горло, не давая перевести дыхание.

– Уф! – выдохнул офицер в оборванной шинели, как только они остановились. – Премного вам благодарен, сударь! Впрочем, какие тут слова, за жизнь не отблагодаришь. Я подполковник Рыбников…

– Капитан Арцеулов, – представился Ростислав, оглядывая спасенного. Рыбников был небрит, на лице красовался огромный синяк, а под левым ухом кровоточил большой порез.

– Изукрасили, – кивнул тот. – Вышел в город… Сдуру, конечно. Хотел к сестре заглянуть, вот и нарвался… Вы того клопа жирного прикончили?

Арцеулов понял, что речь идет о гноме в кожаном пальто.

– По-моему, нет. Я его прикладом…

– Эх, зря! – огорчился подполковник. – Это же господин Чудов, глава здешних большевичков. Его весь Иркутск, гниду, знает!..

– Отложим до следующего раза, – рассудил Ростислав, на которого товарищ Чудов не произвел особого впечатления. – И куда теперь, господин подполковник? Я, признаться, в Иркутске второй раз в жизни.

– Пошли, – Рыбников осмотрелся, а затем решительно зашагал куда-то в узкий проход между домами. – Раньше ночью можно было выходить, а сейчас – как озверели. Говорят, ищут какого-то полковника Лебедева. Такой шум подняли! Можно подумать, что этот полковник им дороже золотого запаса…

– А что за полковник такой? – самым равнодушным тоном поинтересовался Арцеулов, чувствуя, что большевики взялись за дело серьезно.

– А Бог весть! Фамилия самая обычная. Говорят, он из отдела генерала Ирмана, но там никакого Лебедева, насколько я помню, не было…

Между тем они добрались до окраины. Осмотревшись среди небольших одноэтажных хибар, подполковник уверенно указал на крайнюю. Войдя через калитку, поднялись на старое, заскрипевшее под их шагами, крыльцо. Капитан постучал три раза, затем подождал и вновь постучал, на этот

раз дважды.

– Явка, – Арцеулову эти предосторожности показались почему-то смешными и несерьезными.

– Приходится, – понял его Рыбников. – Главное, чтоб соседи не выдали. Тут бы дней пять отсидеться, а потом…

Что будет потом, пояснить он не успел. Дверь приоткрылась, и оба нырнули внутрь. Их окружила темнота. Где-то рядом слышались тихие голоса.

– Это я, господа, – негромко проговорил подполковник. – Со мною капитан Арцеулов…

Внезапно вспыхнул свет – кто-то зажег керосиновую лампу.

– Что у вас с лицом? – поинтересовались из темного угла. – Что случилось?

– Сплошной форс-мажор! – скривился Рыбников. – Угадал к краснопузым. Спасибо капитану – отбил.

– А вы его знаете, этого капитана? – продолжал интересоваться кто-то невидимый. Арцеулов вздохнул и протянул вперед офицерскую книжку.

– Да полно, господа! – запротестовал Рыбников. – Господин Арцеулов на моих глазах четырех краснопузых порешил…

– Трех, – поправил капитан. – Надеюсь, как вступительный взнос сойдет?

– Проходите, господин Арцеулов, – чья-то рука вернула ему документ. – Так вы из поезда Верховного? Повезло же

вам, что вырвались. Слыхали? Проклятые чехи хотят выдать адмирала Политцентру!..

– Не слыхал, – вздохнул капитан. – Но можно было догадаться. Вот сволочи!..

Они прошли по коридору, затем перед глазами мелькнула лестница, ведущая в подпол. Ему посветили фонарем, и Ростислав спустился по неудобной скрипящей лестнице в глубокий подвал. Вспыхнул огонек керосиновой лампы.

Арцеулов огляделся. В подвале, где в более спокойные годы какой-то зажиточный иркутянин хранил припасы, собралось не менее десятка офицеров. Кое-кто в форме, но большинство попало сюда уже в штатском. Впрочем, маскарад был достаточно нелеп и едва ли мог обмануть даже самых наивных патрульных. Слабый свет ламп бросал странные, густые тени, скрывавшие лица, и в первый момент Ростиславу показалось, что он не видит тут ни одного знакомого.

– Прошу любить и жаловать, капитан Арцеулов, – представил его Рыбников, спускавшийся последним и аккуратно закрывавший люк, ведущий наверх. – Мой спаситель и отныне смертный враг антихриста Чудова, коего он отделал в лучшем виде…

– Поздравляем! – откликнулся кто-то. – Только лучше бы вы его, капитан, сразу уложили, без мучений… Клоп краснопузый!..

Кажется, кличка «клоп» уже успела прочно прилипнуть к Прову Самсоновичу.

– Господа, что случилось? – послышался сонный голос, показавшийся Ростиславу очень знакомым. – Надеюсь, не красные?

– А вы и красных проспите, Ревяко, – ответили борцу с Морфеем.

Арцеулов всмотрелся и в неровном свете ламп с радостью заметил офицера, поднимавшегося с рваного, набитого соломой матраца.

– Господин подполковник! – окликнул он. Ревяко секунду всматривался, затем ахнул и полез обниматься.

– Вижу, вижу, живы! – удовлетворенно вещал он. – А я уж и не надеялся. Думал, решили погибнуть героем!

– А я думал, вы уже в Чите, – заметил Арцеулов, решив не препираться с излишне жизнелюбивым офицером.

– Чехи, сволочи! – скривился тот. – Довезли до Иркутска – и взашей. Хорошо еще, что этим… эсеришкам не выдали. Ну, теперь с вами, капитан, мы точно выберемся!..

– Выберемся, – согласился кто-то. – Вот пусть Каппель чуток поднажмет, тогда мы им покажем мировую революцию! А пока рано. Если они из-за одного Лебедева готовы весь город перевернуть…

– Господа, да кто такой этот Лебедев? – самым невинным тоном, полагавшимся на его взгляд новичку, спросил Ростислав.

– А это фантом, – охотно откликнулся Ревяко. – Призрак…

– Я знаю троих Лебедевых в военном министерстве, – заметил кто-то. – Один, правда генерал… Но никто из них не работал с Ирманом.

– Я же говорю – фантом, – удовлетворенно констатировал Ревяко, вновь устраиваясь на матраце.

– Ни черта большевики не найдут! – вдруг заговорил офицер, до этого не принимавший участия в разговоре. – Лебедев – псевдоним. У Ирмана в отделе в самом деле был один полковник, который проходил во всех документах под этой фамилией.

– Зачем? – поразился кто-то. – Этакая конспирация!

– Как видите, смысл есть. Лебедев – будем называть его так – занимался чем-то очень секретным. По-моему, он летчик, хотя, признаться, не уверен…

– Да ну, какие у нас секреты? – засомневался один из офицеров, и беседа перешла на другие темы.

Покуда присутствующие разбирались на четверки, чтобы играть в преферанс – занятие, от которого их оторвал приход нежданных гостей, Арцеулов подсел к Ревяко.

– Простите, господин подполковник, – начал он, решив выяснить мучивший его все эти дни вопрос. – Вы, когда уходили, ничего не забыли в купе?

– Забыл, – охотно кивнул тот. – Вас забыл, Ростислав. Винюсь, проявил себя как последняя свинья…

– Бросьте! Я о другом…

И Арцеулов как бы невзначай поднес к свету руку с тускло

блеснувшим перстнем.

– Красивая вещь, – уважительно заметил подполковник. – Старинная!

– Так это не ваш?

– Нет, – с сожалением покачал головой Ревяко. – А что, вы его где-нибудь нашли? Значит, повезло, ваш будет…

– Значит мой… – согласился Ростислав. Наиболее логичная и простая версия рухнула. Правда, то, что перстень не надо отдавать, Арцеулову было по душе. «Никогда не снимай…»

Под утро преферансисты, закончив баталии, стали укладываться. Как понял Ростислав, днем офицеры спали, выставляя дозорных. Дом принадлежал какому-то старику, родственнику одного из прятавшихся, но приходилось быть настороже.

Когда все заснули, Ростислав подсел поближе к офицеру, который обнаружил такие глубокие знания о таинственном Лебедеве.

– Что? – встрепенулся тот. – А, новенький? Не спится?

– Не спится, – кивнул Арцеулов. – Господин…

– Штабс-капитан, – подсказал офицер. – Штабс-капитан Мережко.

– Господин Мережко, мне нужно встретиться с полковником Лебедевым.

– Вы что, из ЧК? – неясно в шутку или всерьез предположил Мережко.

– А вы что, не узнали? – обиделся Ростислав. – Я Феликс Дзержинский, только бороду сбрил. Читайте!

И он достал приказ, полученный от Верховного. Мережко подвинулся поближе к неяркому свету лампы.

– Кто вам назвал фамилию Лебедева? – наконец, спросил он. – Только говорите тише…

Ростислав молча указал на подпись адмирала.

– Ничего не могу обещать. Скажу сразу, к этому делу не имею прямого отношения. Но попытаюсь…

Проснувшись, Ростислав с удивлением обнаружил, что проспал весь день – публика уже шевелилась, собираясь на ночные вылазки. Арцеулов поискал Мережко, но того уже не было. Как выяснилось, штабс-капитан ушел сразу же после наступления темноты. Оставалось ждать.

Мережко появился под утро и сразу же направился к Ростиславу. В руке его белело что-то похожее на листовку.

– А вы, капитан, оказывается, известная особа, – заявил он вместо приветствия, протягивая какую-то мятую бумагу. Ростислав пробрался поближе к свету и обомлел.

Листовка извещала о розыске опасного врага мировой революции, убийцы и садиста капитана Арцеулова. Давались подробные приметы, причем упоминался все тот же черный полушубок. Там же был и портрет – рисунок от руки, но весьма сходный с оригиналом.

– Как раз развешивали, – сообщил Мережко собравшим-

ся вокруг него офицерам. – Видать, мсье Чудов не простил рукоприкладства…

«Как же это? – мелькнуло в голове Ростислава. – Приметы, фамилия… Даже портрет!»

– Да, вы у нас герой! – резюмировал непробиваемый Ревяко. – На вашем месте, Ростислав, я бы стал срочно отращивать бороду. Переоделся бы в татарина – или в буддийского ламу…

Офицеры живо принялись обсуждать весьма актуальный вопрос об изменении собственной внешности. Тем временем Мережко отвел Арцеулова в сторону.

– Я договорился, – шепнул он. – Вас ждут.

– Когда? – радостно выдохнул Ростислав, уже не надеявшийся на удачу.

– Лучше всего сегодня. Правда, эта наглядная агитация…

Арцеулов лишь махнул рукой. В эти дни на улицах Иркутска офицера могли арестовать и без всякого объявления.

Они выбрались из убежища и долго плутали между небольшими домиками. Затем штабс-капитан, осмотревшись, осторожно постучал в темное окошко одного из ничем не примечательных зданий. На стук появился человек в большой извозчичьей дохе. Узнав Мережко, он кивнул, а тот в свою очередь указал на Арцеулова. Вслед за этим штабс-капитан так же безмолвно распрощался и отбыл восвояси.

Человек в дохе минуту постоял, о чем-то раздумывая, а затем кивнул Ростиславу, предлагая следовать за ним. На

этот раз шли долго. Пару раз приходилось сворачивать во дворы, чтобы спрятаться от патрулей. Маленькие домики стали сменяться более солидными строениями, и Арцеулов понял, что они подходят к центру. Возле одного дома – большого, двухэтажного с высоким забором, спутник капитана остановился, затем быстро прошел во двор и, взбежав на крыльцо, постучал.

Минуты через две им открыли. В сенях было совершенно темно. Кто-то (похоже, все тот же человек в дохе) помог Ростиславу снять полушубок и шапку после чего легко подтолкнул в спину. Арцеулов отворил дверь и на секунду зажмурился – после темноты даже неяркий свет керосиновой лампы на мгновенье ослепил.

– Присаживайтесь, господин Арцеулов, – услыхал он чей-то сильный спокойный голос. Капитан сел на старый, покрытый искусной резьбой, стул и только тогда начал осматриваться.

Это была обычная комната, какие Ростислав видел в зажиточных сибирских домах. Иконы в красном углу, мебель из темного дерева, пол, устланный светлым ковром… Все это он замечал походя – куда больше Арцеулова интересовал тот, кто стоял перед ним.

Человек был в штатском. Точнее, на нем не было военной формы, но присмотревшись, Ростислав сообразил, что темная кожанка, перетянутая ремнем – это неоднократно виденная им одежда авиаторов. Тот, кто носил куртку, был высок,

по виду очень силен, хотя лицо имел скорее добродушное, незлое. На левой щеке темнели следы швов – последствия давней травмы.

– Я полковник Лебедев, – человек в авиационной куртке, достав удостоверение личности, показал его Ростиславу. Тот мельком взглянул, затем вернул владельцу и вскочил, щелкнув каблуками:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! Разрешите представиться: капитан Арцеулов!

– Знакомьтесь: поручик Казим-бек.

Арцеулов обернулся. Казим-бек уже успел снять доху, оказавшись худым черноволосым парнем в такой же авиационной куртке. Пожимая капитану руку, он дружески улыбнулся.

– Мы нарушили все правила конспирации, – продолжал полковник. – Красные откуда-то узнали пароль. И почему-то очень заинтересовались моей скромной персоной.

– Я понимаю, – заспешил Арцеулов. – Вот письмо…

– Я же говорю, мы нарушаем все правила конспирации, – покачал головой Лебедев. – Вы, господин капитан, тоже. С чего вы, например, решили, что я тот, кого вы ищете, а не подсадная утка господ из ЧК?

Капитан замер, рука с письмом дрогнула.

– Давайте так. В послании будет, очевидно, только пароль. Зато в устном послании речь пойдет о программе «Владимир Мономах». Ну, а чтобы совсем точно – там будет упомянуто

о Руководителе Проекта… Достаточно?

– Так точно, – Арцеулов облегченно перевел дух. – Прошу вас, ваше высокоблагородие…

– Меня зовут Николай Иванович, – улыбнулся полковник, читая письмо. – Этак, по-моему, проще…

– Ростислав Александрович, – представился Арцеулов.

– А меня Георгий… Просто Георгий – добавил Казим-бек.

– С этим ясно, – резюмировал Лебедев. – «Рцы мыслете покой». Наконец-то… Ну-с, слушаем вас, Ростислав Александрович.

– Верховный велел передать… – Арцеулов напрягся, стараясь вспомнить приказ адмирала слово в слово. – Приказано завершить проект «Владимир Мономах». Руководитель Проекта прибудет к двадцатому января. Если проект постигнет неудача, если Руководитель не прибудет к двадцатому или появится опасность захвата объекта, приказано все уничтожить…

– Поняли, Георгий? – вздохнул Лебедев. – Тянули до последнего момента, и вот теперь извольте видеть! Все связи были у Ирмана, я уже не говорю о том, что из города не выбраться…

– Господа, – вмешался Арцеулов. – Поскольку я прислан сюда… Считайте меня в вашем расположении.

– Ваши портреты, господин Арцеулов, висят на каждом столбе, – покачал головой Лебедев.

– Ночью все кошки серы, – махнул рукой капитан. – Про-

рвусь!

– Ежели так, слушайте, – полковник встал и принялся неторопливо прохаживаться из угла в угол. – Наша задача – собрать группу специалистов и вывести ее в… некий район. Оттуда мы добираемся… известным мне образом… на искомый объект, где ждем Руководителя Проекта…

– Тогда я схожу за профессором, – перебил его Казим-бек. – До рассвета еще часа два…

– Хорошо, – кивнул полковник. – Не будем терять времени. Капитан, улицу Троицкую знаете?

Арцеулов смущенно развел руками.

– Я покажу, – предложил Казим-бек, – нам по дороге.

– Там живут двое из нашей группы, – продолжал Лебедев. – Их фамилии Берг и Богораз. Запомнили?

– Запомнил, – кивнул Арцеулов. – Как они выглядят?

– Понятия не имею. Их опекал Ирман. Хорошо, что он дал мне на всякий случай адрес… Берг – известный физик, его инициалы – «Н.Ф.». Назовете пароль – «Рцы»… и так далее. Не будут верить – добавьте о «Владимире Мономахе». Ведите их сюда, и желательно побыстрее, пока не рассвело…

– Разрешите идти? – Арцеулов встал.

– Да. И смените полушубок. Георгий, найдите что-нибудь не такое экзотическое…

Через несколько минут Арцеулов и Казим-бек шли по улице. На Ростиславе было обыкновенное штатское пальто, почти не гревшее на безжалостном январском морозе.

– Троицкая, – шепнул Казим-бек, указывая на долгий ряд богатых домов, проступавший сквозь предрассветную серость. – Ваш – третий от угла, второй этаж по лестнице. Ну, с Богом, а то мне еще за профессором бежать…

Арцеулов осторожно подобрался к нужному дому и осмотрелся. Окна второго этажа были темными, но внезапно за одной из занавесок мелькнул лучик света. Все это выглядело весьма подозрительно, но отступать не хотелось. Ростислав достал наган, расстегнул сумку с гранатами и стал осторожно подниматься по скрипящей лестнице.

Ему открыли почти сразу. Арцеулов шагнул в переднюю и тут же почувствовал, как что-то мягкое коснулось ноги. Ростислав усмехнулся – кошка…

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – негромко окликнул он, удивляясь, куда делся тот, кто открыл дверь.

– Ваши пальцы пахнут ладаном, на устах у вас вуаль…

Арцеулов замер – его встречали стихами. Пораженный, он вошел в большую, освещенную керосиновой лампой комнату, и удивился еще больше. Прямо перед ним стояла невысокая девушка в длинном, волочившемся по полу платье. Голову украшало нечто вроде чалмы из роскошной шали.

– Добрый вечер… или уже утро, сударыня, – вконец растерялся Ростислав. – Извините, кажется, помешал…

– Это было у моря, где лазурная пена… – шептала девушка, глядя на Ростислава широко открытыми безумными гла-

зами, – где встречается редко городской экипаж…

– О Господи! – вздохнул капитан. Перед ним была, без сомнения, душевнобольная.

– Простите, сударыня… – вновь начал он, но тут лицо девушки исказилось страхом, она сжала руки и стала медленно отступать к стене:

– Вы… вы пришли забрать моего кота. Я знаю! Вы хотите забрать Шера… О, как это жестоко!

– Да не возьму я вашего кота! – вздохнул Арцеулов. – Сударыня, мне нужен господин Берг. Понимаете? Господин Берг!

– Нет-нет, – в ее глазах горел огонек страха. – Здесь нет никого, только я и Шер…

– Мне нужно кое-что передать господину Бергу! – в отчаянии воскликнул Арцеулов, чувствуя, что первое порученное ему дело срывается самым нелепым образом. – Господину Бергу или господину Богоразу…

– Передайте Шеру, – посоветовала девушка. – Он такой умный…

Кот, сообразив, что речь идет о нем, вновь потерся о сапоги Ростислава.

– Эх, Шер! – капитан, наклонившись, погладил пушистую спинку. – Ну что тебе передать? Рцы, мыслете… Послушайте, сударыня!..

Он поднял голову, но девушки в комнате уже не было. Удивленный Ростислав пожал плечами, осторожно отодви-

нул штору и взглянул на улицу.

– Опустите штору и повернитесь! – голос прозвучал так неожиданно, что Арцеулов даже не сразу его узнал. Обернувшись, он поразился еще больше. Перед ним стояла та же девушка, но уже не в прежнем нелепом наряде. На ней было аккуратное черное платье, волосы собраны в густую косу, а на носу сверкали стеклышками маленькие очки. В довершение метаморфозы любительница кошек держала в руке револьвер системы «бульдог».

– Договорите пароль до конца.

– «Рцы мыслете покой». Программа «Владимир Мономах»…

– От кого вы? – продолжала девушка, не убирая оружия.

– От полковника Лебедева…

– Где генерал Ирман? – револьвер по-прежнему смотрел прямо на капитана.

– Умер. Я и сам мало что знаю. Мне приказали найти господ Богораза и Берга…

– Я – Берг, – усмехнулась девушка, убирая оружие. – Наталья Федоровна Берг.

– Арцеулов… Ростислав, – представился все еще не пришедший в себя капитан. – Мне говорили, что господин Берг – известный физик…

– Это мой дядя. Но я тоже известный физик, – девушка, вздохнув, оглядела пустую комнату. – Дядя уже год как во Франции…

– Надо идти, – опомнился Арцеулов. – Кота берете?

– Это кошка, – вновь усмехнулась Берг. – Подарок из ВЧК…

– Здесь были чекисты?

– Да. К сожалению, они забрали Семена Богораза…

Наталья была уже готова. Все ее вещи уместились в небольшой, весьма тяжелый саквояж.

– Кота… то есть кошку будете брать? – поинтересовался Ростислав.

– Обязательно, – девушка поймала зверька и бережно укутала шарфом. – Не исключено, что этой мяукающей чекистке предстоит весьма дальнее путешествие. Если конечно, мы освободим Семена…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.